

ПОКА МЕНЯ НЕ БЫЛО

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Пока меня не было

<https://litres.ru/74677592>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ольга отправилась в Таиланд с мужем, даже не подозревая, что эта поездка разрушит всю её жизнь.

В роскошном отеле находят убитого фотографа. Улики указывают на Ольгу. Муж, единственный человек, от которого она ждёт помощи, даёт показания, способные окончательно её погубить.

Впереди — чужая страна, тюрьма, несправедливый приговор и годы борьбы за свободу. Пока Ольга пытается доказать свою невиновность, её сын растёт без матери. А человек, которому она доверяла больше всех, продолжает жить так, словно её никогда не существовало.

Но однажды появляется шанс пересмотреть дело.

Теперь Ольге предстоит не только выяснить, кто и зачем разрушил её жизнь, но и вернуть доверие сына, для которого она стала почти чужим человеком.

«Пока меня не было» — психологический криминальный триллер о предательстве, материнской любви и цене справедливости.

Содержание

Глава 1. Перевод	5
Глава 2. Семнадцать секунд	17
Глава 3. Домик у сада	31
Глава 4. Под причалом	45
Глава 5. Чужое время	53
Глава 6. По ту сторону стекла	61
Глава 7. Тень у воды	74
Глава 8. Запасной выход	87
Глава 9. Право открыть дверь	103
Глава 10. Сообщение, отправленное раньше	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Марк Вельский

Пока меня не было

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

ПОКА МЕНЯ НЕ БЫЛО

Роман

Глава 1. Перевод

Краби, март 2021 года

Переводчица произнесла одно слово и замолчала.

— Восемнадцать, — сказала она по-русски. Посмотрела на Ольгу и уточнила: — Лет.

Ольга смотрела на её губы. Молодая женщина в сером жакете, с туго затянутым хвостом и маленькой золотой серьгой в ухе заметно нервничала. Она опустила глаза в блокнот, хотя ничего туда не записывала.

— Вы имеете в виду восемнадцать лет заключения? — спросила Ольга.

Переводчица кивнула.

В зале суда работал кондиционер. Ольга давно привыкла к здешнему холоду: сначала он казался спасением после улицы, потом проникал под тонкую рубашку, и к концу заседания начинали ныть плечи. Сейчас она не чувствовала ничего. Даже металлический край скамьи под ладонями.

Судья продолжал говорить. Двое других судей сидели неподвижно. За последний год Ольга научилась различать, когда в тайской речи заканчивается одно предложение и начинается другое, но этого было недостаточно, чтобы понять, что произносят люди, распоряжающиеся её жизнью.

Переводчица наклонилась к ней:

— Суд постановил признать вас виновной в умышленном

убийстве гражданина Российской Федерации Дениса Кравцова. Срок будет исчисляться с момента заключения под стражу. Ваш адвокат объяснит порядок обжалования.

Ольга отыскала глазами адвоката. Господин Сомчай сидел впереди, положив обе руки на стол. Он был хорошим человеком и плохой надеждой. Почти двадцать месяцев он приезжал к ней, терпеливо объяснял, что показания можно оспорить, что временной промежуток слишком широк, что присутствие рядом с мёртвым человеком ещё не означает участия в убийстве. Сегодня он не смотрел на неё.

Значит, сам тоже не ожидал оправдания, подумала Ольга. Просто никогда не говорил этого вслух.

— Я хочу задать вопрос, — произнесла она.

Переводчица замаялась. Судья уже поднялся.

— Вопрос после заседания, — сказала она.

— Не судье. Мужу.

Второй ряд был почти пуст. Михаил сидел у прохода — ровная спина, белая льняная рубашка с закатанными рукавами, ручные часы, которые Ольга подарила ему на тридцатипятилетие. За двадцать месяцев часы успели стать самым знакомым предметом в его облике. Волосы он стриг иначе, лицо похудело. Он больше не носил обручальное кольцо.

Михаил заметил её взгляд и чуть заметно сдвинулся на краешек сиденья. Как человек, готовый в любой момент встать.

Ольга попыталась улыбнуться. У неё не получилось.

Она хотела спросить о Лёве. Приходят ли к нему друзья, выучил ли он таблицу умножения, перестал ли спать с включённым светом. У неё было столько вопросов о сыне, что выбрать один оказалось труднее, чем выслушать приговор.

— Миша, — сказала она негромко.

Михаил взглянул на неё.

— Скажи Лёве, что я не бросала его.

Муж не ответил. Он посмотрел куда-то вправо, туда, где у стены стоял вооружённый охранник, и Ольга поняла: он не передаст сыну её слов. Не потому, что не сможет. Потому, что не захочет.

Рядом задвинулся стул. Полицейская в коричневой форме коснулась её локтя, давая понять, что пора идти.

Ольга сделала шаг и обернулась снова.

Михаил уже шёл к двери. Перед самым выходом он достал телефон. Наклонил голову, будто прочитал сообщение, и на секунду стал похож на прежнего Мишу: того, который вечно забывал купить хлеб и с виноватой усмешкой предлагал заказать пиццу.

Только прежний Миша обязательно поднял бы глаза, пока её уводили.

В коридоре было тесно и шумно. Вокруг переговаривались родственники других подсудимых, ходили юристы с тяжёлыми портфелями, пахло мокрой плиткой. Адвокат догнал её перед лестницей.

— Ольга, мы будем подавать апелляцию, — сказал он на

английском.

Она поняла и без переводчицы.

— Он знал, что меня осудят? — спросила она.

— Кто?

— Мой муж.

Сомчай посмотрел на дверь, за которой исчез Михаил.

— Мне неизвестно, о чём он думал.

— Он прилетел из Москвы ради одного заседания. Значит, для чего-то приехал.

Адвокат молчал. Охранница терпеливо ждала.

Двадцать месяцев назад Михаил сам настоял, чтобы Ольга рассказала полиции всё до мельчайшей подробности. Вплоть до того, что она ела за завтраком, и до того, какой рукой открыла дверь номера Дениса Кравцова. Он говорил: если ничего не скрывать, они быстро разберутся.

В тот вечер Ольга так и сделала.

Именно благодаря её словам полиция узнала почти всё, что было нужно обвинению.

По-настоящему Ольга испугалась не в суде. И не тогда, когда полицейские защёлкнули на её запястьях наручники. Страх пришёл позднее — когда она вспомнила, как накануне ареста Михаил спросил, уверена ли она, что в тот день на Волге поступила правильно.

Тогда вопрос показался жестокостью человека, измученного горем.

Теперь она не могла понять, зачем он задал его именно в

ту ночь.

* * *

За стеной кто-то заплакал. По ступеням пронесли коробку с пластиковыми бутылками. Ольга медленно выдохнула и наконец произнесла слова, обращённые к будущему:

— Скажите, что мне нужно делать.

Сомчай достал сложенный листок и продиктовал даты следующих встреч. Не юридическое обещание, а расписание: когда можно подать апелляцию, когда он сможет приехать в тюрьму, что необходимо подписать. Ольга держалась за эту последовательность, словно за поручень в плохо освещённом коридоре.

— У меня есть одно условие, — сказала она.

— Какое?

— Никогда больше не говорите мне, что всё обязательно закончится хорошо.

Адвокат убрал листок обратно в папку.

— Хорошо, — ответил он.

Когда её повели вниз, Ольга попросила перевести ещё одно слово. Она слышала его весь день, но не была уверена в значении.

— Као-чай? — произнесла она неуклюже.

— «Понимаете», — сказала переводчица. — Или «поняла», если обращаются к вам.

Ольга кивнула. Удивительно: слово, которое сегодня повторяли чаще других, имело к ней меньше всего отношения.

* * *

Москва, июнь 2019 года. За двадцать один день до ареста

Лёва ел сырники, предварительно разобрав каждый на три части. Большие куски он откладывал вправо, маленькие — влево, а серединку съедал первой. Ольга могла закрыть глаза и по стуку вилки понять, на каком этапе находится его завтрак.

— Мам, а если в Таиланде море солёное, там рыбы тоже солёные?

— Рыбы — нет.

— Откуда ты знаешь? Ты их пробовала?

— Только те, которые лежат на прилавке.

— Значит, не знаешь.

Лёва довольно улыбнулся, обнаружив слабость в её рассуждении, и отправил в рот последнюю серединку.

С кухни был виден узкий кусочек коридора. На стене висели три крючка для детских курток. Пользовались двумя. Ольга не смогла заставить себя снять третий — белый, похожий на маленькую птицу. Когда-то Соня называла его чайкой. Теперь на нём ничего не висело, кроме случайно зацепившегося шнурка от капюшона.

Из спальни вышел Михаил. В серых брюках, с влажными после душа волосами. Он поцеловал сына в макушку и поставил на стол кофейную чашку.

— Тебе опять приснилась акула? — спросил он.

— Нет. Мне приснилось, что мы купили обезьяну. Она

украдала у тебя паспорт.

— Разумная обезьяна.

Ольга засмеялась. Это был короткий звук, почти неловкий. В последнее время смеяться при Михаиле получалось не всегда. Он мог ответить шуткой, как сейчас, а мог внезапно уйти в себя. У такого молчания не было предупреждающих признаков.

На холодильнике магнитом держался список вещей для поездки. Ольга вписала солнцезащитный крем, затем зачеркнула слово «детский». Лёва оставался с её матерью в Подмоскowie, и отпуск вдвоём она считала сомнительной затеей.

— Мы ведь можем всё отменить, — сказала она, пока сын возился с тарелкой.

Михаил закрыл крышку сахарницы.

— Опять?

— Я ещё ни разу не спрашивала серьёзно.

— Каждый вечер спрашиваешь.

— Каждый вечер ты делаешь вид, что не слышишь.

Он посмотрел на сына, потом на Ольгу. Слова приходилось выбирать осторожно, словно они разговаривали в комнате, где спал больной.

— Оль, мы не обязаны всю жизнь оставаться дома.

— Не обязаны. Просто странно уезжать именно сейчас.

В начале июля исполнялось два года со дня Сониной смерти.

Михаил сказал:

— Может, в этом и смысл.

Лёва поднял голову.

— В чём смысл?

— Поездка у взрослых, — ответил отец. — У тебя зато будет дача, собака и мороженое. Ты победил.

— Собака бабушкина. Она вообще мне не даёт спать.

— Разбирайся с ней сам. Ты уже большой.

Когда Михаил вышел на балкон с телефоном, сын сунул Ольге под ладонь бумажку. На ней неровными буквами было написано: «ЕСЛИ НЕ ПРИЕДЕТЕ, ЗАБЕРИ МЕНЯ САМА».

— Это что? — спросила Ольга.

— Запасной план.

Она потянулась к нему и прижала так крепко, что мальчик завозился.

— Ну мам! Сырники же!

Ольга отпустила его, а записку сложила вчетверо и спрятала в карман домашнего халата.

* * *

После завтрака Ольга отвезла Лёву на подготовительные занятия к школе и поехала в клинику. Она была врачом-кардиологом: после института работала в стационаре, затем перешла на приём в частное медицинское отделение. Обычные жалобы — перебои в сердце, усталость, одышка на лестнице — требовали внимания, которого дома ей самой отчаянно

не хватало. Отработав утренние часы, она заехала в небольшой театр на окраине Москвы, где давно работала Женя. Там Ольга иногда помогала красить бутафорию: после дежурства это было проще, чем возвращаться в пустую квартиру.

Сегодня Женя возилась с большим деревом для детского спектакля. Художественный руководитель театра Лариса Игнатьевна — мать Ольги и бабушка Лёвы — требовала, чтобы дерево было «с оттенком настоящей тоски», хотя по сценарию под ним встречались два весёлых зайца. После Сониной смерти мать чаще говорила с дочерью о репетициях, чем о прошлом: так им обоим было легче.

— Я на нём повешу режиссёра, — сказала Ольга подруге Жене, глядя на принесённый той эскиз.

Женя, которая занималась костюмами, обернулась с ножницами в руке.

— Тогда делай ветки прочнее. И не говори мне потом, что я не предупреждала.

Евгения была ниже Ольги, говорила быстро, любила яркие серьги и никогда не задавала вопросов, если видела, что на ответ нет сил. Два года назад она приезжала в больницу вместе с её матерью. Привезла чистую футболку, щётку, зубную пасту и маленькое зеркало. Ольга тогда отказывалась смотреть на своё лицо.

— Всё-таки едете? — спросила Женя.

— Судя по чемодану Миши — да.

— Он уговорил?

— Он купил билеты. Разница небольшая.

— А тебе хочется?

Ольга повернула картонную ветку и промазала клеем край.

— Я не знаю, как теперь должно выглядеть «хочется».

Женя не стала спорить. Положила рядом ещё одну кисть и принялась помогать.

К обеду на телефон пришло сообщение от Михаила: «Проверил отель. Всё спокойно. На территории есть отдельный выход к пляжу. Ты просила без толпы».

Ольга перечитала его дважды. Странно было видеть, как он старается угадать её желания. Последний год Михаил всё чаще делал это слишком тщательно: подбирал музыку в машине, переставлял чашку ближе к правой руке, заранее бронировал столик у окна. Будто искал положение предметов, при котором в их квартире снова можно было жить.

Пока Ольга помогала Жене, в мастерскую принесли коробку с детскими рисунками для будущего спектакля. Ольга раскладывала листы по цветам и наткнулась на изображение семьи: четыре человека, над ними круглое солнце, у одного ребёнка в руках сиреневый шар.

Она положила рисунок отдельно. Девочка, которая его сделала, не была Соней. Наверное, даже не слышала о ней. Но Ольга неожиданно разозлилась на эту чужую уверенность: карандашные дети стояли слишком близко к краю листа, словно им никогда не придётся расходиться.

— Это на сцену? — спросила Женя.

— Нет. Слишком мелко будет видно.

Ольга вернула рисунок в коробку и закрыла крышку.

Вечером Женя подвезла её домой.

— Оль, а вы хоть говорите о Соне? — спросила она возле подъезда.

— Иногда.

— Вы не похожи на людей, которые разговаривают об одном и том же.

— Мы и не похожи.

— Ладно. Не моё дело.

Женя помолчала и добавила:

— Только если тебе вдруг станет плохо, звони. Не надо делать вид, что это всё отпуск и он обязан вас вылечить.

У подъезда Михаил помогал Лёве удерживать велосипед. Мальчик разогнался по дорожке, крикнул «Смотри!» и, забыв затормозить, мягко уткнулся передним колесом в куст сирени.

Михаил засмеялся так громко, что несколько прохожих оглянулись.

Ольга остановилась. В этом смехе на мгновение было слышно прежнее время — то, когда их было четверо и все домашние беды заканчивались разбитой чашкой или двойкой в дневнике.

Увидев жену, Михаил поднял руку. Она ответила. И неожиданно подумала, что отпуск, может быть, действительно-

но поможет.

Ночью Ольга раскладывала вещи по двум чемоданам. В её привычках было складывать футболки рулонами, Михаил же выстраивал одежду ровными стопками, будто готовился показать её на проверке. Он заглянул в комнату, увидел открытый чемодан и спросил, не нужна ли помощь.

— Если найдёшь мой чёрный купальник.

— В нижнем ящике, справа, — ответил он без паузы.

Ольга проверила. Купальник действительно лежал там.

— Откуда ты знаешь?

— Я убирал вещи после дачи.

— Да, — сказала она, хотя после дачи купальник там не появлялся. Она сама переложила его утром.

Михаил подошёл к окну и долго смотрел на двор, в котором зажигались фонари.

— Оль, — сказал он. — Если бы ты могла вернуться в тот день, на Волге, ты сделала бы всё так же?

Она застыла с мокрой после стирки майкой в руках.

— Что?

— Ничего. Прости. Не надо отвечать.

Он вышел. Ольга осталась стоять, не понимая, чем был вызван вопрос. Она решила, что мужчина снова мучает себя мыслями о дочери, и вечером не стала к нему возвращаться.

На следующий день он получил короткое письмо от Дениса Кравцова.

Ольга об этом письме ничего не знала.

Глава 2. Семнадцать секунд

Краби, июль 2019 года. За три дня до ареста

Таиланд оказался совсем не таким, каким Ольга представляла его по фотографиям. На снимках море всегда было голубым, деревья стояли правильными зелёными стенами, а лодки будто ожидали туристов с утра до вечера. В действительности над берегом висело тяжёлое серое небо, песок прилипал к щиколоткам, и каждый третий человек предлагал купить то экскурсию, то массаж, то манго, уже нарезанное в пластиковом стакане.

Михаил был доволен.

— Дождь кончится, — сказал он, поднимая два чемодана по ступеням небольшого отеля.

— Ты похож на человека, у которого есть договорённость с погодой.

— Просто прочитал прогноз.

Служащая за стойкой протянула им холодные полотенца. Ольга приложила своё к шее, и на несколько секунд мир стал терпимее.

Отель стоял в стороне от главной дороги. Корпуса были невысокими, с деревянными балконами; за садом виднелись отдельные домики с маленькими бассейнами. До моря нужно было идти минут десять по дорожке между плотными кустами. Михаил выбрал номер на втором этаже, с видом не на

пляж, а на деревья.

— Здесь тише, — пояснил он.

В комнате пахло лемонграссом. Ольга открыла шкаф, повесила платье на деревянные плечики и вдруг заметила, что у неё нет обычного желания немедленно позвонить домой. Не потому, что она забыла о Лёве. Здесь не нужно было следить, вымыл ли он руки и не свалился ли с велосипеда.

Она набрала мать. Та ответила с третьего гудка, раздражённая тем, что её отвлекают от игры в настольный хоккей.

— Всё хорошо, Оля. Твой сын только что обыграл меня девять — один. Больше не звони каждые сорок минут.

— Я только прилетела.

— Вот и отдыхай.

На заднем плане Лёва крикнул:

— Мам, тут мяч отскочил не по правилам! Бабушка мухлюет!

Ольга рассмеялась. После звонка долго держала телефон в ладони, глядя на собственное отражение в тёмном экране.

* * *

Михаил предложил поужинать в ресторане возле воды. До него можно было пройти по тропинке между гостиницами. По дороге они попали под короткий ливень и минут пять стояли под козырьком магазина, пока с крыши стекала вода.

— Помнишь, как мы в Ярославле спрятались от дождя у закрытого киоска? — спросила Ольга.

— И ты испортила свадебные туфли.

— Не свадебные. Те, которые я специально купила для поездки.

— Значит, я запомнил важную часть.

Она посмотрела на мужа. Лицо у него было спокойное. Во время перелёта он почти не спал, но усталости не показывал. Лишь однажды, когда они проходили паспортный контроль, стиснул челюсти и остановился, словно хотел что-то сказать.

— Ты о чём сейчас думаешь? — спросила Ольга.

— О том, что неплохо бы поесть.

В ресторане они заказали рыбу, рис и острый суп, который Ольга не смогла осилить. Михаил долго выбирал столик. Сначала ему понравилось место под вентилятором, затем он пересадил её ближе к окну, потому что там было «меньше проходящих». Ольга уже собралась подшутить над его организационными способностями, когда за соседним столом раздался громкий русский голос.

— Мишка? Не может быть!

Муж обернулся. К ним подошёл высокий мужчина в выцветшей футболке, с рюкзаком, на котором болтались ремни и карабины. Загорелые плечи резко выделялись на фоне почти белой шеи.

— Денис, — сказал Михаил, поднявшись. — Ты здесь?

Они пожали друг другу руки. Мужчина посмотрел на Ольгу, и она уловила короткую заминку.

— А это Оля, моя жена. Оля, Денис Кравцов. Знакомый по одному старому проекту.

— Привет, — сказал Денис.

Он не добавил привычного «очень приятно». Вместо этого поставил рюкзак на пол, осторожно, будто внутри было что-то хрупкое.

— Ты всё ещё снимаешь? — спросил Михаил.

— Когда платят — снимаю. Когда не платят — тоже снимаю, только потом ругаюсь.

Денис улыбался широко и без усилия. Из тех улыбок, которые мгновенно делают человека своим среди незнакомых людей.

— А вы надолго? — спросил он.

— Неделью, — ответила Ольга.

— Тогда не тратьте её на этот суп. Тут рядом место есть, где готовят нормально. Правда, рыбы иногда кончаются раньше туристов.

Михаил предложил ему присесть, но Денис отказался: сказал, что ждёт знакомых, и указал на дальнюю часть зала. На прощание он наклонился к Михаилу и произнёс что-то негромко. Ольга услышала только последнее слово: «завтра».

Когда Денис ушёл, муж принялся рассматривать меню, будто ничего не произошло.

— Что за проект? — спросила Ольга.

— Давно было. Мост снимали для журнала. Я тогда ещё в проектном работал.

— Ты никогда про него не говорил.

— Я много про кого не говорил. У нас с тобой впереди целый отпуск, могу составить список.

Она хотела спросить, почему Денис посмотрел на неё так странно, но Миша уже позвал официантку и попросил воды.

* * *

Поздно вечером Михаил вышел из номера, сказав, что спустится за водой. Вернулся через четверть часа без бутылки. Объяснил, что магазин при отеле уже закрыт и попросил её не беспокоиться.

Ольга заметила у него на запястье след от красной резинки, которой не было за ужином. Он быстро снял часы, положил их на тумбочку и лёг на спину. Когда она спросила, всё ли в порядке, муж ответил «конечно» так твёрдо, что продолжать разговор не захотелось.

На следующий день они пошли купаться. Ольга оставила вещи на лежаке и долго стояла у самой линии прибоя. Вода накатывала на ноги и уходила обратно. Она заметила мальчика в жёлтом жилете: тот упорно пытался поймать плавник надувного дельфина, которого волной отбрасывало в сторону.

Рядом с ним присела женщина, взяла игрушку и вложила ребёнку в руки.

Ольга отвернулась.

Михаил подошёл не сразу. Встал за спиной, коснулся её плеча.

— Пойдём в воду?

— Сейчас.

Он не торопил. Когда Ольга сделала несколько шагов, Михаил остался на берегу и смотрел, как она идёт всё дальше. Вода поднялась до колен, до пояса. Влажная ткань купальника потянула за плечи.

— Оль! — крикнул муж.

Она обернулась.

— Не заплывай за буйки.

— Я вижу.

— Я серьёзно.

Слова были обычными, почти заботливыми, но её вдруг охватило раздражение. В июле семнадцатого он тоже говорил ей, что нужно быть осторожнее. Не в тот день — раньше, за неделю до поездки на Волгу. Тогда она смеялась над его привычкой проверять всё по три раза.

Ольга вернулась к берегу.

— Я не собиралась далеко.

— Знаю.

— Тогда почему ты так смотришь?

— Как?

Он спросил искренне. Или очень хорошо изобразил искренность. Ольга не смогла бы ответить.

За ними на песке мальчик в жёлтом жилете наконец поймал своего дельфина и победно закричал. Ольга вздрогнула так сильно, что Михаил протянул руку, собираясь её обнять. Она отступила.

— Мне нужно посидеть в тени, — сказала она.

Он не пошёл за ней.

Когда она оглянулась с дорожки к отелю, Михаил стоял один, по колено в море, и что-то печатал в телефоне.

* * *

Накануне ареста

Запись длилась семнадцать секунд.

Ольга узнала место с первого кадра. Светлые доски причала, железная лестница, облупившаяся синяя краска на перилах. На дальнем плане — ива, свесившая ветви почти до воды. Всё это она видела, закрывая глаза, сотни раз. Теперь перед ней стоял маленький экран, на котором прошлое двигалось и не собиралось останавливаться.

— Откуда у вас это? — спросила она.

Денис Кравцов сидел напротив в гостиничном кафе. Он долго крутил в руках пустой стакан, прежде чем ответить.

— Я был там в тот день. Снимал для себя. Видеокамера стояла на штативе — хотел проверить объектив. Я вообще не понял сначала, что случилось.

Ольга снова посмотрела на экран. На первых секундах она сама стояла у парапета, повернувшись к воде боком. Камера снимала издалека, и лица не было видно. За её спиной мелькнула синяя панама. Затем вода рядом с причалом вспенилась. Женщина на записи резко наклонилась и исчезла наполовину за деревянным ограждением. Ещё несколько секунд она оставалась в этом положении. Конец.

— Почему именно семнадцать? — спросила Ольга.

— Что?

— Почему запись обрывается?

— Я повернул камеру, когда услышал крик. Это кусок из длинного файла. Остальное на другой карте, дома. По крайней мере, должно быть.

Ольга подняла на него глаза.

— Что вам от меня нужно?

— Ничего. Я уже говорил вашему мужу. Я передал ему то, что у меня было, и понял, что это только путает людей.

— Вы передали запись Мише?

— Весной. Он написал мне после одной публикации про несчастные случаи на воде. Спрашивал, не я ли снимал тот причал.

«Весной» означало три месяца назад. Михаил всё это время молчал.

— Что вы ему сказали?

— Что на записи не видно главного. Мне нужно было сразу объяснить. Я потом долго вспоминал тот день. Рядом с вами был ещё мальчик, да?

Ольга почувствовала, как пальцы под столом сжались в кулаки.

— Мой сын.

— Он был у самой лестницы. Не там, где девочка.

— Он провалился между досками.

Она сама не знала, почему сказала об этом незнакомому

почти человеку. Много месяцев ей не удавалось произнести эту фразу даже у семейного психолога. Там приходилось отвечать на вопросы об отчаянии и вине, а она хотела говорить о предметах: о слишком скользких досках, мокрой футболке Лёвы, об угле металлической лестницы, который впился ей в плечо.

Соня в тот день носила белую футболку с зелёными буквами. Утром девочка долго выбирала между этой футболкой и жёлтым платьем. После похорон Ольга случайно нашла платье в дорожной сумке. Оно пахло стиральным порошком. Футболку не нашли.

Денис перестал вертеть стакан.

— Вот. Я так и подумал потом. С этой точки мальчика вообще не было видно.

Ольга смотрела на экран. Ей снова было тридцать три. Соня отбежала к воде, Лёва заплакал у лестницы, и за одно мгновение её жизнь перестала быть последовательностью действий. Сначала её рука нащупала мокрую футболку сына под досками причала. Потом тяжесть мальчишеского тела, которое не хотело проходить между балками. Потом крик Сони. Она не могла вспомнить, что произошло раньше — этот крик или звук, с которым сын вырвался из воды и закашлялся.

Когда Лёва оказался на досках, она бросилась к краю. Соню уже уносило течением.

Ольга никогда не рассказывала об этом полностью. Ни ма-

тери, ни Жене, ни Михаилу. Каждый раз слова останавливались на одном и том же месте: она вытащила Лёву, а за Соней не успела. Муж тогда сказал, что знает. Что не нужно повторять. И она поверила, что он действительно знает.

— Это видео нельзя никому показывать, — произнесла она.

Денис кивнул, будто ожидал именно этих слов.

— Я не собираюсь его публиковать. Только вы поймите: я не хотел причинить вам боль.

— Уже причинили.

— Да. Простите.

Он не предложил ей денег, не пригрозил газетами, не стал оправдываться. От этого было хуже: перед ней сидел не злодей, которого удобно ненавидеть, а человек, сделавший глупую, непоправимую вещь.

— Михаил знает, что вы со мной встречаетесь? — спросила Ольга.

— Думаю, да. Я попросил его передать вам, что хочу поговорить.

Она коротко усмехнулась.

— Он не передал.

Денис провёл ладонью по лицу.

— Тогда я ему сам позвоню. У меня остались фотографии с того дня. Не снимки вашей семьи — просто причал, лестница. Можно попробовать восстановить, кто где стоял. Я не следователь, но хотя бы перестанем гадать.

Ольга отодвинула телефон. Видеть синюю краску на перилах она больше не могла.

— Не нужно. Я всё помню.

— Вы помните изнутри. А запись показывает с другой стороны.

— Запись показывает кусок.

— Именно. Я хочу, чтобы вы это поняли.

У него зазвонил телефон. Денис глянул на экран и сбросил вызов. Почти сразу пришло новое сообщение. Он прочёл его, поморщился и положил аппарат лицом вниз.

— Простите, — сказал он. — У меня встреча. Я завтра улетаю в Бангкок, но до этого хотелось бы передать вам копию вместе с пояснением. Вечером буду в домике у сада, номер сорок один. Приходите, если решите.

Ольга встала, не допив чай.

— Я не знаю, что решу.

— Хорошо.

Ольга прошла к выходу, но возле двери всё-таки остановилась. Ей хотелось спросить, видел ли Денис тот момент, когда она вытащила сына. И ещё — видел ли он, как далеко успела уйти Соня. Ответ мог разрушить ту единственную версию событий, с которой она научилась жить. Он мог оказаться хуже её собственного воспоминания.

— Вы стояли у лестницы? — спросила она, не оборачиваясь.

— С другой стороны, ближе к кустам.

— Тогда вы не могли видеть, что было под причалом.

— Нет, — ответил Денис. — И ваш муж тоже не мог. Ни с того места, где стоял тогда, ни на этой записи.

Она вышла на улицу, прежде чем он заметил слёзы.

Он тоже поднялся. Вблизи Денис оказался моложе, чем казался за столом. На левом запястье виднелась белая полоска кожи, где обычно носили часы.

— Вы не плохая мать, — сказал он вдруг.

Она почувствовала почти физическое желание ударить его за эту жалость.

— Вы меня не знаете.

— Не знаю, — согласился Денис. — Поэтому и не должен был делать вид, что знаю.

* * *

Михаил ждал на балконе их номера. Когда Ольга вернулась, он положил книгу на столик и спросил, где она была.

— Разговаривала с Денисом.

Пальцы мужа на мгновение задержались на обложке книги.

— О чём?

— Ты серьёзно?

Он не ответил.

— Ты нашёл запись, — сказала Ольга. — Месяцами держал её у себя. Смотрел, наверное, не один раз. И ничего мне не сказал.

Михаил медленно сел.

— Я не хотел, чтобы ты снова через это проходила.

— Поэтому привёз меня в отель, где он живёт?

— Я не знал, что он здесь. В ресторане встретили случайно.

— Он сказал, что вы переписывались.

— Мы переписывались. Это не означает, что я знал, где он остановится.

Ответ прозвучал слишком гладко. Ольга вдруг обратила внимание на отсутствие его обычной досады, когда его ловили на неточности. Он не перебивал её, не повышал голоса. Просто ждал, какую ещё подробность она назовёт.

— Что ты увидел на этой записи, Миша?

За окнами зашуршал дождь.

— Я увидел Соню в воде.

— Её там почти нет.

— Для меня она там есть.

Он произнёс это тихо. Ольга села на кровать. Последний раз так же тихо Михаил говорил с ней на похоронах.

— Ты считаешь, я могла сделать что-то другое? — спросила она.

Михаил долго смотрел на пол.

— Не знаю, Оля. Я уже давно ничего не знаю.

Она ждала продолжения. Его не было.

Вечером, когда муж уснул, Ольга открыла сообщение Дениса. Он прислал адрес домика и одно предложение: «Если захотите посмотреть всё, что осталось, приходите до девяти».

ти».

Она набрала ответ: «Я приду. Но больше никаких разговоров с моим мужем без меня».

Сообщение оказалось прочитано почти сразу.

Глава 3. Домик у сада

День ареста

В половине седьмого Михаил предложил прогуляться до пляжа.

— Сейчас будет красивый закат, — сказал он.

— С утра льёт дождь.

— Дождь кончился.

Она стояла перед зеркалом, пытаясь застегнуть тонкую цепочку. На шее осталось бледное пятно от солнца. Отпуск шёл четвёртый день, а у неё уже возникло желание вернуться домой — в мастерскую, к Лёве, к картонному дереву, которое хотя бы не задавало вопросов.

— Иди без меня, — сказала Ольга. — У меня встреча.

Михаил не спросил с кем. Подошёл, застегнул цепочку и отступил.

— С Денисом?

— Да.

— Ты уверена, что стоит?

— Нет. Но я всё равно пойду.

Он кивнул. На кровати лежала сложенная газета с заголовком на английском, который Ольга не стала переводить.

— Я буду в баре, — сказал Михаил. — Если что, звони.

Он поцеловал её в висок. Запах его одеколona — сухой, древесный — показался особенно сильным. Ольга почти по-

тянулась обнять его, но Михаил уже убрал руки.

До домиков у сада вела узкая мощёная дорожка. После дождя влажные листья прилипали к камню. На развилке сидел молодой служащий в зелёной форме и чинил ремень у тележки для багажа. Увидев Ольгу, он поднял голову.

— Форти ван? — спросила она, показывая сообщение.

Он указал направо. Потом что-то сказал по-тайски, развёл руками и покачал головой.

— Не работает? — спросила Ольга, решив, что речь о дорожке.

Служащий показал на маленькую камеру под крышей административного корпуса. Индикатор на ней не горел. Потом снова повёл ладонью вправо. Ольга решила, что он объясняет, как обойти скользкую плитку, и двинулась указанным путём.

Позднее она будет вспоминать этот разговор чаще всех остальных за тот день. Ей казалось, что юноша пытался предупредить её о чём-то ещё, но она так и не узнала о чём.

— Спасибо, — ответила Ольга, хотя не поняла ни слова.

У домика номер сорок один горел свет. Дверь была не закрыта до конца: между ней и косяком виднелась тонкая полоска темноты. Изнутри доносился глухой звук — то ли работал кондиционер, то ли насос небольшого бассейна.

Она постучала.

Никто не ответил.

— Денис?

Ольга подождала и толкнула дверь плечом.

В комнате никого не было. На столе стояли два стакана, один пустой, другой наполовину наполненный водой. На спинке стула висела лёгкая тёмная куртка с рваным внутренним швом. Ольга подумала, что Денис, наверное, собирался в дорогу. Даже влажный паспортный конверт лежал возле чемодана — всё было приготовлено к отъезду. Рядом лежал открытый чёрный фотокофр Дениса, с мягкими отделениями для объективов. Он был пуст. Ольга не заметила никакой второй сумки в комнате. На экране ноутбука медленно перемещался логотип производителя. Кто-то совсем недавно работал здесь или оставил компьютер включённым.

Из открытой раздвижной двери на террасу тянуло сыростью.

— Денис, это Ольга Руднева. Вы звали меня.

Она вышла наружу и сначала увидела чужую руку.

Она лежала на краю маленького бассейна ладонью вверх. На указательном пальце поблёскивала серебряная полоска кольца. Тело мужчины было в воде, лицом вниз, рядом с полой ступенью.

Ольга застыла ровно на одно мгновение. Потом сбросила сандалии, вошла в воду и схватила Дениса за плечо.

Он был тяжелее, чем казался. Его рубашка прилипла к спине. Ольга перевернула его и увидела на шее тёмные следы, похожие на широкую ссадину. Она не стала пытаться понять, что это. Развернула мужчину к бортику, упёрлась ко-

леном в ступеньку, с трудом вытолкнула верхнюю часть тела на сухую плитку, сама выбралась следом.

— Помогите! — закричала она по-русски.

Никто не ответил.

На телефоне часы показывали 19:26. Ольга набрала номер ресепшен, который был напечатан на гостиничной карте, и заговорила на английском, путая слова. Попросила скорую. Сказала «человек не дышит», повторила номер домика. Женщина на другом конце провода велела не класть трубку.

Ольга начала реанимацию. Двигалась быстро, почти яростно, считала вслух, хотя счёт сбивался. По лицу текла вода, на колене саднила свежая царапина. В клинике она десятки раз выполняла реанимационные мероприятия, но там рядом были коллеги, препараты, оборудование. Здесь не было ничего, кроме мокрой плитки, её рук и голоса сотрудницы на телефоне. Она считала компрессии и заставляла себя не смотреть на лицо Дениса.

Сейчас правильный порядок не помогал.

На дорожке слышались шаги. Служащий в зелёной форме появился у двери террасы, увидел мужчину на плитке и резко остановился.

— Ambulance! — крикнула Ольга. — Please!

Он исчез. Через минуту вернулся с ещё двумя людьми. Один взял у неё телефон, другой оттеснил в сторону и продолжил реанимацию. Ольга стояла у стены, с которой стекала вода, и смотрела на чужие руки.

Она заметила оторванный ремешок от камеры у ножки шезлонга. Тонкая чёрная лента с металлическим креплением. Ей почему-то захотелось поднять её, убрать с мокрой плитки, чтобы никто не наступил. Ольга даже наклонилась — и остановилась. Не время было убирать чужие вещи.

* * *

Скорая приехала одновременно с полицией. Дениса укрыли светлой простынёй. Один из полицейских поднял оторванный ремешок пинцетом и положил в пакет. Фотоаппарат без карты памяти лежал на шезлонге; его тоже изъяли. Пустой кофр из комнаты описали отдельно. Двое других прошли в комнату.

Ольге задали несколько вопросов. Она сказала, что пришла на встречу, дверь была открыта и человек лежал в воде. Её попросили повторить. Потом ещё раз. Она показала переписку с Денисом, и полицейский сфотографировал экран.

Михаил появился около восьми. Ольга увидела его сквозь стеклянную дверь — он стоял на дорожке возле тележки для белья и разговаривал с сотрудником отеля. Белая рубашка на нём была сухой. Волосы аккуратно зачёсаны назад.

Она бросилась к нему, но полицейский попросил оставаться на месте.

— Миша! Скажи им, что он сам меня позвал!

Муж подошёл к порогу.

— Оля, что случилось?

— Денис мёртв. Я нашла его в бассейне. Он уже не дышал.

Михаил посмотрел через её плечо на террасу. Лицо его изменилось не сразу, словно он не сумел выбрать подходящее выражение.

— Господи, — сказал он.

Он протянул руку, но полицейский между ними сделал шаг вперёд.

До поздней ночи Ольга сидела в небольшом служебном помещении. Ей принесли воду, потом другую бутылку, потому что первая так и осталась запечатанной. Она слышала, как Михаил разговаривает с кем-то за стеной. Несколько раз упоминалось имя Сони. Потом голос мужа становился тише, и слов разобрать было невозможно.

Ближе к полуночи в комнату вошла переводчица. Немолодая русская женщина с усталым лицом, которая первым делом спросила, не нужна ли Ольге медицинская помощь.

— Мне нужно позвонить сыну, — ответила Ольга.

— Позже. Сейчас вам необходимо выслушать вопросы.

— Я уже всё рассказала.

— Появились дополнительные обстоятельства.

Ольга поставила бутылку на стол.

— Какие?

Переводчица поглядела на полицейского и перевела его слова. Выяснилось, что за последние дни Денис Кравцов несколько раз встречался с Ольгой. Сохранились сообщения. Свидетели утверждали, что она была разгневана тем, что фотограф снял её дочь в день гибели. В материалах име-

лись её собственные слова, отправленные Кравцову вечером накануне: «Никогда больше не показывайте это Лёве. Если ещё раз приблизитесь к моему ребёнку, я сама вас остановлю».

Ольга помнила сообщение. Она написала его после того, как Денис предложил восстановить события у причала с помощью сына. Её охватил ужас от мысли, что чужой взрослый станет вытягивать из мальчика воспоминания о сестре. И она ответила резко, почти грубо.

Теперь одно и то же предложение могло звучать угрозой убийства. В одной из переписок она требовала уничтожить запись.

— Он сам показал мне запись. И хотел отдать остальное. Переводчица кивнула, но не стала ничего объяснять.

Следователь положил на стол фотографию. На ней была терраса номера сорок один. Ольга стояла у края бассейна, наклонившись к воде. Фото было сделано сверху, с соседнего балкона. Лица почти не видно, зато хорошо различались её платье и босые ноги.

— Это когда я пыталась его вытащить, — сказала она.

Следователь спросил что-то ещё.

Переводчица выслушала и повернулась к Ольге:

— Ваша подруга... простите, ваш муж сообщил, что после смерти дочери вы тяжело переживали утрату и могли внезапно терять контроль над собой.

— Что?

— Он сказал, что вы боялись появления этой записи.

— Это не так, — произнесла Ольга. — Я боялась, что её покажут сыну. Ему ещё четырёх не было. Он до сих пор просыпается ночью, если слышит воду в трубах. Я не хотела, чтобы ему снова пришлось это смотреть.

Переводчица передала ответ. Следователь выслушал, что-то отметил и задал ещё один вопрос: почему она никому не рассказывала о том, что оба ребёнка в ту минуту находились в опасности.

— Потому что меня не спрашивали, — сказала Ольга.

И тут же поняла, как ужасно прозвучали эти слова.

Ольга встала так резко, что стул отъехал назад.

— Позовите его сюда.

Ей предложили сесть.

— Позовите Мишу. Он знает, что Денис собирался со мной встретиться. Он знает, зачем!

Полицейский не повысил голоса. Женщина-переводчица сжала губы и произнесла:

— Ваш муж дал показания отдельно. Сейчас вам нужно отвечать за себя.

На стол положили лист с тайским текстом. Его нижняя часть была пустой, над пустым местом виднелась полоска для подписи.

— Я не буду ничего подписывать без адвоката, — сказала Ольга.

Она не знала, правильно ли поступает, и на этот раз ниче-

го не стала объяснять.

В дверь постучали. Полицейский на пороге назвал имя Михаила, потом указал в сторону коридора.

Ольга успела увидеть мужа через узкое окно служебной комнаты. Он держал телефон у уха и шёл к выходу, ни на кого не глядя.

Она узнала движение его свободной руки: когда Михаил волновался, он машинально проводил большим пальцем по обручальному кольцу. Только теперь кольца на пальце не было.

— Миша! — крикнула Ольга.

Дверь закрылась прежде, чем он мог обернуться.

* * *

К утру ей сообщили, что она задержана по подозрению в убийстве.

Снаружи снова пошёл дождь. Сквозь жалюзи проступала узкая полоса светлого неба. Ольга сидела на скамье, обхватив локтями колени, и пыталась представить, как мать объяснит Лёве, почему взрослые опоздали за ним на целую ночь.

В сумке лежала его записка, которую она взяла в отпуск вместо талисмана.

«Если не приедете, заберите меня сама».

Ольга закрыла глаза и повторила эту фразу про себя, слово за словом, как адрес, который нельзя забыть.

* * *

Двое суток после задержания

Утром ей предложили подписать опись вещей. На столе лежали её телефон, серьги, цепочка, часы и паспорт в синей обложке. Ольга сразу заметила, что в описи нет записки Лёвы.

— Там ещё была бумажка, — сказала она переводчице. — Маленькая. Вчетверо сложенная.

Женщина, которая дежурила ночью, уже ушла. На её место пришёл мужчина в тёмных очках, хотя окна в комнате были занавешены. Он аккуратно перелистал опись, показал на графу «личные бумаги» и повторил вопрос, будет ли Ольга подписывать.

Она подписала. Дольше спорить о детской записке означало не получить возможности позвонить домой.

Телефон ей не вернули. Зато разрешили продиктовать один номер. Память неожиданно подвела: Михайлов номер она знала наизусть, а домашний телефон матери, по которому звонила всю жизнь, не могла вспомнить полностью. Начинался он то ли на четыреста девятнадцать, то ли на четыреста девяносто один. Перед мысленным взором вставляли кнопки старого аппарата, а цифры не появлялись.

— Муж, — сказала переводчица, пока Ольга перебирала варианты. — С ним можно связаться через отель.

— Он в отеле?

— Насколько мне известно, да.

Ольга представила его в их номере. На кровати раскрытый чемодан, на балконе его мокрые плавки, в ванной две зубные

щётки. Из этого невозможно было вывести никакого полезного решения. Хотелось лишь, чтобы он пришёл и объяснил полиции, что фотограф сам пригласил её. Муж слышал от неё об этом накануне. Ему не нужно было ничего сочинять.

Через час появился другой переводчик и сказал, что придет представитель российского консульства. Затем последовало обследование в больнице. Её отвезли на машине, которой управлял полицейский с очень тихим голосом. По дороге он говорил с коллегой о чём-то житейском, смеялся, останавливался пропустить пешеходов. Ольга смотрела в окно на лавки, провода, оранжевые крыши. Город продолжал жить так, словно не случилось ничего особенного.

В кабинете врач осмотрел царапину на её колене, попросил показать руки и отметил синяк на внутренней стороне плеча. Ольга объяснила, что ударилась о бортик, вытаскивая Дениса. Врач записал. Больше не спрашивал.

К вечеру прибыл адвокат. Его фамилию Ольга не слышала, зато запомнила короткое имя — Сомчай. Он был невысоким, говорил медленно по-английски и прежде, чем задать первый вопрос, спросил, ела ли она.

— Мне нужен муж, — сказала Ольга.

— Сначала мне нужна ваша история. Полностью, от начала поездки.

Она рассказала. Про ресторан. Про видео. Про ссору с Михаилом. Про открытую дверь номера сорок один и тело в бассейне. Про сообщение, которое написала Кравцову, рас-

сердившись на предложение поговорить с ребёнком.

Сомчай остановил её на этом месте.

— Как точно звучало сообщение?

Она повторила.

— Вы угрожали ему?

— Нет.

— Тогда почему написали «сама вас остановлю»?

Ольга долго не отвечала. Ей было трудно объяснить человеку, который не видел Лёву, что означает страх за ребёнка, уже пережившего гибель сестры. Она выбрала самые простые слова: фотограф предложил обсуждать с мальчиком день, когда утонула его сестра; мать запретила это делать.

Сомчай записал ответ без комментария.

— Я хочу узнать время смерти, — сказал он. — И кто бывал в комнате до вас. Не разговаривайте об обстоятельствах дела ни с кем, кроме защитника и следователя при переводчике. Даже с мужем.

— Почему даже с мужем?

— Потому что он свидетель. Не ваш адвокат.

Ольга подумала, что Сомчай просто не знаком с Михаилом. Во всех их семейных бедах именно муж разбирался с тем, что требовало холодной головы. Когда Соне меняли школу, он поговорил с директором. Когда Лёва сломал руку, он спокойно собрал документы для больницы. Когда понадобилось забирать вещи дочери из детского лагеря, поехал один.

— Он может всё прояснить, — сказала она.

Сомчай подвинул к ней лист с записанными вопросами.

— Тогда расскажите мне, что именно он должен прояснить.

Она начала перечислять и постепенно замолчала. Получалось не так много. Муж знал, что фотограф был в Таиланде. Знал о видео. Знал, что у неё назначена встреча. Но самого убийства не видел и о состоянии Дениса до её прихода сказать не мог.

Кого ещё можно было попросить помочь, она понятия не имела.

* * *

На вторую ночь Михаил всё-таки пришёл. Он смог поговорить с ней недолго, через перегородку, в присутствии сотрудника участка. Ольга увидела его и с трудом удержалась, чтобы не броситься к стеклу.

— Лёва знает? — спросила она.

— Мама сказала ему, что у нас задержка с вылетом.

— Сколько дней?

Михаил посмотрел на человека, сидевшего у двери.

— Пока неизвестно.

— Миша, ты должен позвонить Денисовым знакомым. Может, кто-то приходил к нему до меня. У него было два стакана. И его кофр открыт, камера лежала отдельно. Помнишь, он говорил, что передаст копию?

— Оля. Подожди.

Он придвинулся к перегородке.

— Ты должна быть очень точной в том, что рассказываешь. Ты ведь понимаешь, как это выглядит?

— Как что?

— Как история, в которой ты рассердилась на человека, испугалась за Лёву, а потом пошла к нему одна.

Она молчала.

— Они обязательно будут спрашивать про Соню, — продолжил Михаил. — Не пытайся скрыть, что после её смерти тебе бывало тяжело.

— Я и не скрываю.

— Ты иногда не помнила, о чём говорила во время ссор.

— Неправда.

— Оля, я не обвиняю тебя. Я пытаюсь помочь.

Он произнёс последние слова с таким неподдельным утомлением, что она почти извинилась.

— Мне не нужна помощь в том, чтобы меня считали сумасшедшей, — сказала она.

Михаил отстранился. В комнате было слышно, как полицейский листает журнал.

— Я завтра снова приду, — ответил муж.

Она схватилась за край перегородки.

— Скажи Лёве, что я его люблю.

— Скажу.

На следующий день Михаил не пришёл.

Глава 4. Под причалом

Конаково, июль 2017 года

Перед поездкой Соня поссорилась с отцом из-за панамы. Ей исполнилось восемь, и она считала панамы одеждой для малышей. Михаил, напротив, был убеждён, что июльское солнце не интересуется возрастом человека.

— Я же не голая, — сказала Соня, упрямо поправляя ко-
су. — У меня голова есть.

— Вот именно. Её и нужно беречь.

Ольга вмешалась, когда спор дошёл до угрозы остаться дома. Предложила компромисс: панаму положат в сумку, а на причале девочка сама решит, надевать её или нет. Михаил покачал головой, но отступил. Соня победно посмотрела на мать.

Через два часа Ольга будет проклинать эту мелкую победу, хотя к происшествию она не имела никакого отношения.

Они приехали на берег к полудню. Было жарко, ветер поднимал с песчаной дорожки серую пыль. Лёва уснул в машине, поэтому Михаил сперва перенёс сына в тень под ивой, а Ольга расстелила плед. Соня тем временем обследовала пристань. Рядом стояла будка с прокатом лодок, за ней — деревянный причал, который, если смотреть со стороны пляжа, казался прочным. Часть досок была недавно заменена. Другие прогибались под ногами и поскрипывали.

Ольга предупредила дочь, что к краю можно подходить только со взрослым. Соня закатила глаза, но осталась возле ступенек.

До обеда всё шло хорошо. Они ели бутерброды, Лёва показывал найденные камешки и требовал от сестры объяснить, какие из них «доисторические». Соня не знала, но уверенно отвечала. Михаил несколько раз заходил в воду. Ольга сидела на пледе и читала журнал, время от времени проверяя, где дети.

В половине четвёртого Михаил пошёл к машине за пакетом с фруктами и питьевой водой. Ольга видела, как он обошёл прокатную будку и скрылся за деревьями. Сын в это время возился у нижней ступени причала с пластмассовой лодочкой. Соня просила разрешить ей пройти до самого конца настила, потому что оттуда было лучше видно рыболовный катер.

— Только стой рядом, — сказала Ольга.

— Я же стою.

Лёва вскрикнул. Ольга обернулась и увидела, как он опускается на колени возле щели между пристанью и старой деревянной опорой. Пластмассовая лодочка уплывала туда, куда не дотягивалась рука. Мальчик потянулся за ней всем телом.

Ольга успела крикнуть его имя. Затем он исчез.

Сначала ей показалось, что мальчик просто присел. Только когда снизу раздался короткий мокрый всплеск, она бро-

сила́сь к ле́стнице. Ме́жду кра́йними до́сками и бру́сом оста́валось узко́е про́странство, и под ни́м уже́ плеска́лась во́да. Ле́ва был там, це́плялся па́льцами за мо́крую дре́весину́ и отча́янно пы́тался по́днять го́лову.

Она опу́стилась на жи́вот, су́нула ру́ку под насти́л, ухвати́ла сы́на за во́рот фу́тболки. Ткань на́тянулась, но вы́тащить ма́льчи́ка с пе́рвого ра́за не по́лучи́лось. Она пе́ремести́лась бли́же, у́дари́лась пле́чом о ме́таллическую ско́бу и нащупа́ла вто́рой ру́кой его́ по́дмышку.

— Держи́сь за ме́ня, Ле́вушка. Слы́шишь? Со́жми ру́ку.

Он не отве́чал. Ей у́далось по́днять его́ ли́цо над во́дой. По́том она́ рывко́м пе́ретащи́ла мо́крое те́ло на ступе́ньку. Ле́ва зака́шлялся, захле́бнулся во́здухом и запла́кал.

Крик Со́ни до́нёсся бу́дто с дру́гого ко́нца бе́рега.

О́льга по́вернула го́лову. Там, где мину́ту наза́д сто́яла де́вочка, те́перь бы́ли то́лько мо́крые до́ски. Со́ня ба́рахтала́сь в во́де за вне́шним у́глом при́стани; её́ бе́лая фу́тболка ме́лькну́ла ме́жду гре́бнями. По́ реке́ проше́л сле́д мото́рной ло́дки — тя́жёлая во́лна у́дари́ла в сто́йки и отката́лась. О́льга не зна́ла, упа́ла Со́ня са́ма или её́ снесло́ во́дой.

Она́ поста́вила Ле́ву на насти́л, кри́кнула ему́ оста́ваться на ме́сте и пры́гнула за до́щерью.

Во́да оказа́лась хо́лоднее, че́м ожи́далось. Но́ги сразу́ по́теряли опо́ру, и О́льга по́плыла к бе́лому пята́ну в не́скольких ме́трах впе́реди. Со́ня по́дняла ру́ку. О́льга ви́дела э́ту ру́ку так отче́тливо, что по́зже не мо́гла по́нять, поче́му не доста́ла

до неё.

Ещё одна волна. Белое пятно исчезло.

Ольга нырнула. Вынырнула, прокашлялась, нырнула снова. В ушах гудело. Кто-то кричал с берега, но слов было не разобрать.

Она не знала, сколько продолжалось плавание. В какой-то момент рядом появился мужчина из проката и схватил её за плечо. Ольга вырвалась. Потом он схватил крепче и сказал, что сюда уже идёт лодка, что она сама сейчас утонет. Она стала бить его по руке, не разбирая куда.

К берегу её вытащили вдвоём.

Михаил прибежал, когда она стояла на коленях возле Лёвы. Она помнила его обнажённые ступни — он потерял шлёпанцы, пока бежал. Не помнила, что сказала ему. Возможно, просто указывала на воду.

Поиск продолжался до сумерек. Потом приехали люди в форменной одежде, были фонари, длинные шесты, мужчина в гидрокостюме. Кто-то принёс Лёве сухую футболку, слишком большую, со словами иностранного производителя на груди. Ольга сидела рядом и держала сына за кисть, пока его рука не перестала дрожать.

Всё это время Михаил ходил между причалом и дорогой. Он спрашивал о водолазах, требовал лодку, звонил кому-то. Когда к вечеру Соню нашли, Михаил молча сел рядом с женой. Его ладонь легла на её колено и осталась там, тяжёлая и холодная.

Дома, спустя несколько дней, Ольга пыталась объяснить, что произошло под причалом. Михаил остановил её на словах «Лёву затянуло под доски».

— Я знаю, — сказал он. — Мне всё рассказали.

— Я не могла сразу...

— Не надо, Оля. Пожалуйста, не надо.

Она решила, что он бережёт её. Дальше они почти не обсуждали сам момент гибели Сони. Разговаривали о школе, о вещах, о фотографиях, о том, как объяснить произошедшее сыну. Ольге казалось, что главное муж знает.

На самом деле Михаил ни разу не дослушал её до конца.

* * *

Краби, июль 2019 года. Вечер убийства

Нату было двадцать два. Он работал в отеле всего пять месяцев и больше всего не любил слово «срочно». Когда администратор произносил его, обычно выяснялось, что кто-то из гостей потерял ключ, испачкал полотенце или потребовал к ужину блюдо, которого в меню не было.

В тот вечер срочно понадобилось перевезти чистое бельё к отдельным домикам. После дождя гравий на дорожке намок, тележка вязла в мягкой земле. Нат остановился возле старой камеры наблюдения, чтобы подтянуть расшатавшийся ремень, и едва не порезал палец ржавым винтом.

Мимо прошёл мужчина в белой рубашке.

Нат поднял взгляд, потому что мужчина двигался против потока: большинство гостей возвращались с пляжа к главно-

му корпусу, а этот шёл в сторону частных бунгало. В руке он держал небольшую чёрную сумку с короткой ручкой; сбоку белела потёртость. Длинного плечевого ремня у неё не было. Нат запомнил мелочь: мужчина всё время перехватывал сумку из одной руки в другую.

— Forty-one? — спросил мужчина на английском.

Нат указал на дорожку справа.

— Guest? — спросил он, потому что в частную часть проходили не все.

— Yes.

Мужчина улыбнулся, но ответа было недостаточно. Нат уже собирался предложить вызвать администратора, когда тот показал гостиничную карточку. Нат пропустил его. На карточке могли быть написаны чужие фамилия и номер, но тогда это ещё ничего не значило.

Через некоторое время Нат снова увидел его. Мужчина возвращался той же дорожкой, шагал быстрее и держал ту же маленькую сумку плотно прижатой к боку. Он свернул между двумя хозяйственными постройками, хотя основной выход находился левее.

Нат подумал, что гость заблудился. Сам он иногда путал дорожки в вечернем полумраке, особенно если они были одинаково освещены.

Позже пришла женщина в синем платье. Она говорила по-русски и показывала экран телефона, на котором был номер сорок один. Нат как раз пытался починить ремень тележки.

Он указал дорогу, потом предупредил, что камера над хозяйственным корпусом не работает и лучше идти по освещённому проходу.

Женщина поблагодарила и ушла.

Нат больше не видел её до того момента, когда она выбежала на террасу и закричала о помощи.

* * *

Начальник смены расспрашивал его уже после приезда полиции. Нат рассказал, что помог русской гостье найти домик и первым позвал коллег. О мужчине в белой рубашке он упомянул тоже, но начальник перебил.

— Сегодня через сад ходили десятки людей. Тебя спрашивают об этой женщине.

— Я видел другого человека до неё, — повторил Нат.

— Ты видел гостя с карточкой. Вечером. Не знаешь какого. Говори только то, что помнишь точно.

Нат кивнул. Он действительно не знал его имени.

Когда полицейские попросили описать одежду вошедшей женщины, Нат ответил быстро: синее платье, светлая сумка, мокрые сандалии. Когда спросили, кто появлялся там ещё, Нат произнёс «мужчина с сумкой» и уточнил примерное время. Один из полицейских посмотрел на его пропуск, затем задал несколько вопросов о работе. Нат начал путаться в датах. Он приехал из Мьянмы и боялся, что любая ошибка с разрешением на работу закончится увольнением.

Полицейский не угрожал ему. Просто сказал явиться, ес-

ли понадобятся уточнения.

Нат ждал вызова неделю. Потом две. Никто не звонил.

Через месяц он узнал от портье, что русскую женщину обвиняют в убийстве фотографа. В гостинице это обсуждали неохотно. Управляющий попросил не разговаривать с туристами о происшествии. Служащим объяснили, что у полиции есть всё необходимое.

Однажды Нат увидел на экране компьютера фотографию мужа задержанной женщины. Мужчина стоял возле входа в суд и прикрывался от камер рукой. Белой рубашки не было, вместо неё он носил тёмный пиджак. Нат подумал, что видел его раньше. В том же отеле. Может быть, даже на дорожке возле домиков.

Он подошёл к администратору, ткнул пальцем в экран и спросил, как звали этого гостя.

— Руднев, — ответил администратор. — Муж той женщины.

Нат хотел рассказать о своей догадке. Потом вспомнил, что «мужчина с сумкой» мог оказаться кем угодно, а он уже подписал свои показания. За новые слова пришлось бы отвечать.

Он убрал руку от экрана.

Работа в отеле продолжалась. На дорожке сменили несколько плиток. Сломанную камеру наконец починили.

Слишком поздно для того вечера.

Глава 5. Чужое время

Август 2019 года

Временное заключение Ольга представляла иначе. Она ожидала непрерывных допросов, грубых приказов и дверей, захлопывающихся за каждым словом. На деле большую часть времени никто от неё ничего не требовал. Нужно было стоять в очереди, садиться там, где указывали, брать еду, возвращать пластиковую посуду. Часы исчезли вместе с телефоном, и дни приходилось измерять голосами сотрудников, сменой света, звуком колёс по коридору.

В камере было душно. Женщины разговаривали между собой на языках, которых Ольга не понимала. Одна каждый вечер тщательно развязывала волосы и заплетала снова. Другая всё время просила таблетку от головной боли. Они не искали дружбы с новой русской женщиной, и она была благодарна за это. Любой разговор требовал объяснить, почему она здесь. А такого объяснения, которое устроило бы всех, у неё не было.

Через несколько недель ей разрешили телефонный разговор с матерью. Связь прерывалась, голос звучал будто из соседнего подъезда.

— Оля, ты слышишь меня? — почти кричала мать. — Мы нашли адвоката через консульство. Женя собирает деньги на переводы. Лёва у меня.

— Где Миша?

— Приехал позавчера. Сказал, что разбирается. Лёву в выходные забрал к себе.

— Дай Лёву.

— Он сейчас в бассейне с тренером. Мы решили...

— Зачем в бассейне? — спросила Ольга и тут же почувствовала, как глупо прозвучало обвинение.

Мать вздохнула.

— Потому что он должен научиться плавать. Он сам попросил.

Ольга прижала трубку плотнее. Всё это время она представляла сына в дачном домике — с бабушкой, собакой и настольным хоккеем. Оказалось, что его жизнь уже изменилась. Появился тренер, расписание занятий, новые слова, которые Ольга не слышала. И всё это происходило без неё.

— Мам, он знает, что я не дома?

— Знает, что ты не можешь пока приехать.

— Это неправда.

— А что я ему скажу? Что его маму держат за решёткой на другом конце мира?

Ольга закрыла глаза.

— Скажи, что я не убивала человека.

Мать молчала. Потом тихо ответила:

— Я ему это говорю.

Где-то щёлкнуло. Ольга произнесла имя матери дважды, прежде чем поняла, что разговор закончился.

* * *

Через день приехал Сомчай. Он привёз распечатанные копии материалов, которые смог получить, и объяснил, почему расследование идёт медленно. Свидетелей допрашивали в разные дни, экспертное заключение ещё не было завершено, а сообщения фотографа требовали официального перевода.

Ольга сразу спросила про человека, встретившего её на развилке.

— Он видел, когда я пришла. И видел, что камера не работала.

Адвокат кивнул.

— Такой сотрудник есть. Он подтверждает, что вы спрашивали путь к домику. Это не спорный факт.

— Но ведь я не могла убить Дениса раньше, чем пришла.

— Никто ещё не установил точное время смерти. Это самая большая проблема.

— Тогда почему всё время говорят обо мне так, будто уже знают?

Сомчай помолчал, а затем раскрыл тетрадь. Там были записаны имена нескольких свидетелей.

— Потому что другие видели ваш конфликт с погибшим, а ваш муж подтвердил, что вы очень тяжело переживали из-за записи. Нам нужно проверять не чужие впечатления, а события.

— Миша сказал, что я могу терять контроль над собой?

— Я получил перевод части его показаний. Он описал случаи, когда после смерти дочери вы плакали, закрывались в комнате, отказывались разговаривать. Это обычное описание горя. Но обвинение будет настаивать на другой трактовке.

— Он знает, что я никогда никому не причиняла вреда.

— Надеюсь, он скажет это и на суде.

Слова адвоката почему-то не успокоили.

Когда он ушёл, Ольга попыталась вспомнить их последний спор в Москве. Михаил спрашивал, поступила бы она на причале иначе. Тогда вопрос показался очередным приступом вины. Но в Таиланде он повторился — уже в форме показаний полиции. Муж связывал её боль с убийством Дениса, будто это были части одного и того же события.

Она захотела спросить его об этом прямо. Но следующего свидания не назначили.

* * *

Декабрь 2019 года

Письмо принесли в сером конверте с несколькими штампами. В верхнем углу детским почерком было написано «МАМЕ». Буква «А» наклонилась набок, словно её толкнули.

Ольга долго не решалась открыть конверт. Сотрудница, которая разносила почту, показала на часы и сказала что-то короткое. Ольга развернула бумагу.

«Привет мама. Я научился ездить без рук, но бабушка го-

ворит, что нельзя. У меня теперь зелёный велосипед. Я хотел показать тебе, но папа сказал, что сейчас не получится. У нас в школе на Новый год будет пиратский спектакль. Я пират с картой. Ты можешь нарисовать мне корабль? Пока. Лёва».

На обороте стоял большой рисунок. Велосипед с колёсами разного размера. Над ним — человечек, у которого руки торчали в стороны, как крылья. Лица не было.

Ольга смотрела на рисунок, пока буквы не начали двоиться. Соседка по комнате, женщина с короткой стрижкой и татуировкой на запястье, молча придвинула ей салфетки. Ольга взяла одну и тщательно промокнула угол письма, чтобы не размазались чернила.

Через несколько дней пришла Евгения. Её впустили не сразу, и к тому времени, как она села по другую сторону стекла, вся краска на лице превратилась в упрямую усталость. Женя говорила по-английски плохо, зато привезла распечатанный список вопросов для переводчика, который подготовила вместе с адвокатом.

— Ты сможешь выдержать пять минут без трагического взгляда? — спросила она, едва взяв трубку.

Ольга всхлипнула и засмеялась.

— У тебя опять серёжки в виде вишен.

— Конечно. Надо же хоть кому-то здесь соблюдать дресс-код.

Евгения рассказала о мастерской, о спектакле, о том, как Лёва вначале отказывался выходить на сцену и согласился

только после обещания настоящей деревянной сабли. Потом вытащила из сумки три рисунка детей из театральной студии и приложила их к стеклу. Отдельно — крошечную фотографию Лёвы возле школьной ёлки.

— Его отец разрешил? — спросила Ольга.

— Его бабушка прислала. Миша теперь распоряжается снимками, что ли?

— Он почти не пишет.

Женя перестала улыбаться.

— Оль, мне нужно кое-что спросить. Этот фотограф, Денис. Ты уверена, что Миша встретил его случайно?

— Денис сам сказал, что они переписывались до поездки.

— Но Миша говорил, что не знает, где тот остановился.

— Да.

— А номер в отеле кто выбирал?

Ольга прикусила губу.

— Миша.

— И билеты он купил, да?

— Женя, к чему ты клонишь?

— Не знаю пока. Просто мне не нравится, когда человек случайно встречает знакомого на другом конце света, а потом оказывается, что переписывался с ним по поводу твоей дочери.

Ольга почувствовала укол гнева.

— Михаил не убивал Дениса.

— Я не говорила, что убивал.

— Ты только что это предложила.

— Я предложила проверить, кто кого нашёл. А ты уже защищаешь мужа, которому даже трудно отправить тебе письмо.

Ольга положила трубку. Женя резко выпрямилась, но не ушла. Дождалась, когда подруга снова её возьмёт.

— Прости, — сказала Ольга.

— Мне за что извиняться? Я вообще, считай, воспитанный человек. Сегодня ещё никого не укусила.

Они какое-то время сидели молча.

— Если бы Миша имел отношение к этому, — наконец произнесла Ольга, — он бы не приехал ко мне после ареста.

— А если он приехал узнать, что ты помнишь?

Ольга не ответила. В голове сразу всплыла та встреча за перегородкой. «Ты ведь понимаешь, как это выглядит?» Михаил задавал вопросы не о том, кто мог быть рядом с Денисом, а о том, что она успела рассказать следствию.

Женя постучала ногтем по стеклу.

— Скажи мне одну вещь. Он был с тобой, когда ты пришла к фотографу?

— Нет. Сказал, что будет в баре.

— И был?

— Не знаю.

Женя медленно кивнула, будто получила ответ на совсем другой вопрос.

— Ладно. Значит, начнём с этого.

* * *

Вечером Ольга получила бумагу и карандаш. Она нарисовала корабль для школьного спектакля: большой корпус, три паруса, лестницу на борт, две бочки с водой и пушку, которая выглядела скорее как подзорная труба. В углу подписала: «Для капитана Льва. Мама».

На отдельном листе стала восстанавливать план гостиницы. Главный корпус. Сад. Развилка. Дорожка к домику сорок один. Столик у бассейна. Она работала медленно, потому что не знала, где точно проходила служебная тропинка за кустами.

Когда рисунок был закончен, Ольга смотрела на две линии — ту, по которой шла сама, и вторую, уходившую за домики. О второй она ничего не могла рассказать полиции, потому что не видела, куда она ведёт.

Она сложила план и вложила в конверт для Сомчая. Корабль сыну отправила утром.

Глава 6. По ту сторону стекла

Краби, январь 2020 года

Сестру Дениса Кравцова Ольга узнала по глазам. Не потому, что они были похожи на глаза брата, — она почти не помнила его лица живым. Женщина смотрела на неё так, как смотрят на дверь, за которой произошло что-то непоправимое: с надеждой, что дверь сейчас откроется, и с ненавистью к человеку, который держит ручку.

Они встретились в коридоре перед очередным заседанием. Между ними находились двое сотрудников суда и широкая напольная ваза с искусственными орхидеями. Ольга шла вместе с переводчицей, когда женщина отделилась от стены.

— Руднева?

Русское слово прозвучало настолько неожиданно, что Ольга остановилась.

— Да.

— Меня зовут Кира. Денис мой брат.

На женщине было тонкое платье с узкими рукавами; у основания шеи розовела полоска обгоревшей кожи. Она явно приехала недавно и ещё не научилась защищаться от здешнего солнца. В руке Кира держала мятый бумажный стакан с кофе.

— Мне сказали, вы не хотите разговаривать с семьёй.

— Кто сказал?

— Ваш муж.

Ольга смотрела на неё, не находя ответа. Полицейская тронула её за локоть, однако переводчица попросила дать им минуту.

— Я не знала, что вы здесь, — сказала Ольга.

Кира посмотрела ей в лицо, словно проверяла, действительно ли перед ней человек, которого показывали по телевизору. Потом спросила:

— Он долго умирал?

Ольга вздохнула через нос. Это был единственный способ не закашляться.

— Когда я пришла, Денис уже не дышал.

— Это я слышала. Вы ему помогали. Все теперь помогают после того, как человек умер.

— Я пыталась.

— Не надо, — резко сказала Кира. — Не рассказывайте мне, какая вы хорошая. Я приехала не за этим.

Она поставила кофе на подоконник. Из сумки достала фотографию — обычный снимок с дня рождения. Денис сидел на полу в окружении двух девочек и собирал конструктор. Перед ним лежала гора красных деталей. Он поднял голову и смеялся; старшая девочка держала его за волосы.

— Племянницы, — сказала Кира. — Они ждут, что дядя вернётся. Младшей четыре. Она каждый день спрашивает, нельзя ли послать ему фотографию, чтобы он не забыл дорогу.

Ольга кивнула. У неё было ощущение, что на снимке не хватает ещё одного ребёнка: девочки занимали слишком много места, а свободная рука Дениса была протянута куда-то за край кадра.

— Мне жаль, — произнесла она.

— Мне тоже.

Кира спрятала фотографию и наконец задала то, ради чего, видимо, приехала:

— Почему он поехал к вам? Ему не нужны были неприятности с вашей семьёй. Он хотел закончить заказ, купить новый объектив и вернуться домой.

— Я не просила его приезжать к нам. Мы встретились в гостинице.

— Он сообщил матери, что должен исправить ошибку. Так и сказал: «Я кое-что испортил, теперь попробую исправить». Мама решила, что речь о работе.

— О записи?

— Какой записи?

Вопрос прозвучал без притворства.

Ольга быстро объяснила, что Денис случайно снял гибель её дочери и что короткий фрагмент мог создать неверное впечатление о событиях на причале. Она пыталась говорить просто, не оправдываясь, но всё время спотыкалась о слово «дочь». Два года оно существовало отдельно от глаголов будущего времени.

Кира слушала, стиснув зубы.

— В полиции сказали, что вы угрожали ему из-за этого видео.

— Я написала, чтобы он не трогал моего сына. Он предложил расспросить Лёву про тот день.

— Денис не любил детей, — вдруг сказала Кира.

Ольга удивлённо подняла глаза.

— Что?

— Боялся их. Не знал, как разговаривать. Все племянницы над ним издевались. Он приносил им игрушки для взрослых, а они хотели пластилин. Неужели он в самом деле собирался допрашивать маленького мальчика?

Кира говорила с такой обидой на брата, что у Ольги впервые возникло ощущение: перед ней не сторона обвинения, а семья конкретного человека со всеми его нелепостями.

— Я не знаю, что он собирался делать, — ответила она.

— И теперь не узнаю.

Сотрудник суда что-то сказал переводчице. Та посмотрела на часы.

— Нужно идти.

Кира не отступила сразу.

— Вы можете сколько угодно говорить, что нашли его мёртвым. А мне приходится отвечать детям, почему он больше не придёт. Я хочу, чтобы суд разобрался. Понимаете? Даже если мне не понравится то, что он узнает.

Она взяла с подоконника бумажный стакан и ушла, не оборачиваясь.

* * *

В зале обсуждали последовательность вечерних событий. Для Ольги она состояла из открытой двери, пустой комнаты, руки над водой, тяжести мокрой рубашки и чужих голосов. Для остальных — из времени на часах, свидетелей, распечатанных сообщений и переведённых слов.

Сомчай заранее попросил её не вступать в разговоры, если её не спросят. Она держала ладони под коленями, чтобы не теребить край одежды.

Когда назвали имя Михаила, Ольга выпрямилась.

Муж не приехал. Его показания были получены ранее. Переводчица зачитала выдержку о том, что после смерти дочери жена стала вспыльчивой, болезненно реагировала на любое напоминание о несчастном случае и особенно боялась появления видеозаписи. Михаил не называл её убийцей. Он говорил осторожнее: «Не могу утверждать, как она поступила в тот вечер».

Ольга вдруг поняла, что эту фразу он мог повторить бесконечное число раз, всякий раз оставляя ей объяснять невозможное.

Сомчай задал вопрос о том, когда Михаил последний раз видел Дениса живым. Выяснилось, что точного времени встречи в показаниях нет. Михаил сообщил, что видел фотографа у ресторана днём, а вечером собирался в бар. Его никто не просил восстанавливать каждую минуту.

— Почему? — спросила Ольга шёпотом.

Сомчай не отрываясь смотрел на сотрудника, который отвечал суду.

— Потому что он свидетель, а не обвиняемый, — тихо ответил адвокат.

Она почувствовала, как лицо становится горячим. Хотелось встать, потребовать проверить бар, найти официанта, посмотреть любые записи. Но была и другая мысль, постыдная: вдруг проверят, и окажется, что муж действительно всё это время сидел над стаканом с колотым льдом. Тогда её подозрение останется голым, а она потеряет ещё одного человека.

После заседания Кира ждала у выхода. Ольга заметила её издали и приготовилась к новой ссоре. Но сестра Дениса лишь подняла руку, как останавливают такси.

— Вы сказали про оригинальную запись, — произнесла она. — В полиции её нет?

— Мне не показывали.

— А где она могла быть?

— Денис говорил, что часть материалов осталась дома.

Кира посмотрела в сторону стеклянных дверей.

— Он жил один. Мама до сих пор не разрешает заходить к нему без неё. Всё стоит как было. Даже пакет молока в холодильнике оставила. Я его выкинула. Она неделю со мной не разговаривала.

Кира помолчала.

— Я спрошу, что там с техникой. Не ради вас. Я хочу

узнать, что он пытался исправить перед смертью.

Ольга чуть склонила голову.

— Спасибо.

— Не благодарите заранее. Если выяснится, что вы убили его, я сама принесу им всё, что найду.

— Я понимаю.

— Нет, — сказала Кира. — Пока не понимаете.

Она ушла под дождь, который начался так быстро, что люди у входа суда не успели раскрыть зонты. Ольга увидела, как женщина остановилась на нижней ступеньке, посмотрела на фотографию в телефоне и только потом двинулась к машине.

Вечером Ольга попросила разрешения написать ей письмо. Не длинное, всего четыре строчки. Она написала, что Денис пытался остановить чужую ошибку. Это было единственное, о чём она могла говорить уверенно.

Кира не была обязана отвечать. Ольга всё равно переписала письмо начисто, без единой кляксы.

* * *

Москва, апрель 2020 года

Лёва решил, что отец боится конвертов.

Такое объяснение было даже удобным: взрослые вообще часто боялись странных вещей. Бабушка — незапертой двери, мама раньше боялась, когда он перебегал улицу, Женя — когда кто-нибудь трогал её ножницы. Отец же, судя по всему, не любил бумажные конверты с иностранными марками.

В тот день Лёва сидел на полу в коридоре и строил из

обувных коробок гараж. Михаил вернулся из магазина, поставил два пакета на тумбу и принялся разбирать почту. Большинство бумажек он сразу рвал на две части. Один конверт перевернул и задержал в руке.

— Это мне? — спросил Лёва.

— Нет.

— Там моё имя.

Михаил замер.

На конверте действительно было написано: «Льву Рудневу». Подпись — размашистая, с наклонённой буквой «Л». Мальчик узнал почерк матери. Когда-то она писала таким же синим маркером имена на коробках с ёлочными игрушками.

— Это от мамы.

— Сначала надо проверить, — сказал отец.

— Что проверить?

— Куда прислали, откуда. Вдруг ошибка.

Лёва посмотрел на своё имя ещё раз.

— Какая ошибка, если это я?

Михаил убрал конверт в верхний ящик тумбы. Закрыв, повернул ключ и положил его в карман.

— После ужина.

— Ты обещаешь?

— Лёва,ними ботинки с дивана.

Ботинок на диване не было. Мальчик понял, что ответ откладывается, и вернулся к гаражу. К вечеру он забыл о конверте. Но утром, когда отец ушёл разговаривать по телефо-

ну на балкон, подошёл к тумбе и подёргал ручку запертого ящика.

Из кухни он услышал:

— Я не собираюсь обсуждать с тобой переписку ребёнка, Женя. У него уроки, занятия, своя жизнь. Всё.

Слово «всё» отец произносил особенно ровно. После него в квартире обычно становилось тихо.

* * *

Евгения положила телефон на стол среди выкроек и повернулась к Ларисе Игнатьевне.

— Ты слышала?

— Слышала, что вы опять спорите.

— Он прячет письма от Ольги.

— Ты это знаешь?

— Лёва сказал, что корабль не получал. А она в декабре отправила. Потом в феврале написала. Бабушке тоже не всё доходит.

Лариса Игнатьевна прижала большим пальцем разлохматившийся край ткани.

— Может, почта потеряла?

— Сразу два письма и посылку? Почта, конечно, творческая организация, но даже у неё есть предел фантазии.

Театр закрыли на неопределённое время. Репетиции отменялись одна за другой, костюмерная пахла пылью и старым утюгом. Женя приезжала сюда не столько работать, сколько не сидеть дома. У неё на столе лежали маски, ко-

которые шили из остатков ткани, и неоконченный пиратский кафтан для школьного спектакля. Спектакль так и не показали родителям: сначала перенесли, затем школа перешла на дистанционные занятия.

Женя взяла кафтан за воротник и посмотрела на кривой красный карман, который Лёва придумал сам. Полгода назад мальчик просил сделать там потайное отделение для карты. Ольга ещё успела прислать рисунок корабля. Женя скопировала его на ткань, вырезала трафарет и отдала учительнице — только потом узнала, что оригинал к сыну не попал.

— Что ты собираешься делать? — спросила Лариса Игнатьевна.

— Для начала поговорю с бабушкой. И с самим Лёвой. Без давления.

— А потом?

— Потом, наверное, опять поссорюсь с Мишей. У меня хорошо получается.

* * *

Михаил работал дома за обеденным столом. На экране ноутбука была схема вентиляционной установки; он приближал и отдалял её двумя пальцами и беззвучно шевелил губами, пересчитывая расстояния. Возле локтя лежали школьные тетради Лёвы.

Они жили почти как раньше. Вставали в одно время, мыли посуду по очереди, спорили о том, можно ли есть мороженое зимой. Только из кухни исчез третий стул. Михаил отнёс

его на балкон ещё осенью, когда Лёва сказал, что каждый раз смотрит на пустое место.

Телефон мигнул. Пришло сообщение от тёщи: «Оля спрашивает, дошли ли письма. Я что должна ей ответить?»

Михаил набрал: «Скажи, что школа загружена». Стер. Написал: «Я передам сам». Отправил.

Он открыл ящик и вынул конверт. Внутри была сложенная вчетверо схема пиратского корабля, несколько слов на обороте и маленькая бумажная фигурка. Соня в детстве любила делать такие фигурки из цветного картона. Теперь Ольга вырезала для сына капитана, поставила красную точку вместо носа и нарисовала круглую шляпу.

Михаил долго рассматривал бумажного человечка. Краска размазалась у него на пальце.

Он вспомнил, как Соня в восемь лет строила из подушек корабль и заставляла отца изображать сторожевую акулу. Лёва тогда был маленьким и всё время забирался к нему на спину. Михаил рычал, дети хохотали, а Ольга стояла в дверях и снимала их на телефон.

На видеозаписи с причала она тоже стояла спиной.

Михаил быстро сложил бумагу, будто обжёгся. Он положил конверт в коробку на верхней полке шкафа, рядом со стопкой неотправленных писем.

Вечером Лёва попросил открыть ему почту.

— У меня был конверт, — сказал он за ужином.

— Ты о нём вспомнил?

— Да. Мне приснилось, что там пароль от сундука.

Михаил поставил вилку.

— Лёва, мама сейчас в очень сложном положении. Её письма могут тебя расстраивать.

— Я сам решу.

— Нет. Ты ребёнок.

Мальчик обиделся. Молча ушёл в комнату и закрыл дверь так сильно, что упал пластиковый самолёт с полки.

Михаил поднял самолёт и подошёл к двери сына. За ней было слышно, как мальчик передвигает мебель. Он хотел постучать, но в этот момент телефон снова завибрировал.

Евгения: «У меня лежит копия рисунка корабля. Могу передать Лёве. Или ты сам отдашь ему письмо?»

Михаил прочёл сообщение дважды. Ответил: «Не вмешивайся в нашу семью».

Женя прислала короткое: «Оля — тоже ваша семья».

Тогда он заблокировал её номер.

* * *

В мае Лёва научился отправлять электронные письма с домашнего компьютера. Учительница дала задание написать три предложения родственнику, которого давно не видели. Остальные дети обращались к бабушкам и дедушкам. Лёва написал маме:

«Я сделал корабль сам. Он не похож на твой, потому что твой мне не дали. Я уже читаю быстро. Почему ты не пишешь?»

Он попросил отца указать адрес. Михаил посмотрел на экран, закрыл окно почты и сказал, что сначала нужно связаться с адвокатом.

Лёва ушёл в ванную и долго мыл руки, хотя они были чистыми. Потом достал из рюкзака школьный блокнот, переписал своё письмо на первую страницу и спрятал блокнот под матрас.

В тот же день бабушка прислала ему фотографию мамы, сделанную до поездки. Лёва поставил её на экран телефона, посмотрел несколько секунд и сменил обратно на зелёный велосипед.

Он больше не спрашивал отца про почту вслух.

Глава 7. Тень у воды

Пхукет, сентябрь 2020 года

Сомчай принёс на встречу рулетку. Металлическую, с оранжевым корпусом и белой кнопкой на боку.

— Что это? — спросила Ольга.

— Вы знаете, что это.

— Я знаю, как называется. Почему вы носите её с собой?

— Потому что ваш рисунок оказался точнее памяти свидетелей, но хуже рулетки.

Он положил перед ней лист с фотографией террасы домика сорок один. На обороте кто-то мелко записал расстояния: от бортика бассейна до раздвижной двери, от шезлонга до стены, от ступени до столика. Ольга провела пальцем по линии у бассейна.

— Здесь была лужа.

— После дождя?

— Не только. Когда я вытащила Дениса, вода текла с нас обоих. Здесь было скользко.

— Это важно для последовательности движений. Но не доказывает, что вы никого не убили.

— Я знаю, — оборвала она.

Ей надоело, что всякое воспоминание приходилось немедленно измерять на юридическую пригодность. Дома она могла сказать «мне холодно», и никто не требовал под-

твердить температуру термометром.

— Покажите, что вы сделали, — попросил Сомчай.

У стены стояли два пластиковых стула. Ольга сдвинула один, поставила другой набок и изобразила бортик бассейна. Сомчай следил, пока она, присев, показывала, как пыталась подхватить тяжёлое тело за плечо.

— Нет, — сказала она внезапно. — Сначала я держала его за правую руку. Потом поняла, что рука выскальзывает. Я зашла глубже.

Она поправила положение стула. Возле двери охранница бросила на них короткий взгляд.

— У меня болело колено. Я ударилась о ступеньку и не заметила сразу. Медики фотографировали ссадину?

— Да. Ссадина есть в материалах.

— Хорошо. Значит, я не придумала.

Сомчай смотрел не на неё, а на открытый блокнот.

— Вы говорили, что тянули тело за плечо. Следы на одежде совпадают с этим движением. Вы прикасались к нему почти везде, куда, по версии обвинения, могли прикасаться во время нападения.

Ольга положила стул обратно.

— Получается, я сама оставила им всё, что им понадобилось.

— Вы сделали то, что делают люди, когда пытаются спасти другого человека.

— А доказать это нельзя.

— Можно показать, что их версия не единственная. Пока у нас нет оснований установить, что произошло до вашего прихода.

Он перевернул фотографию. На снимке Ольга наклонялась к бассейну; угол кадра не позволял увидеть лицо Дениса. Полицейские получили изображение от гостя соседнего номера. При первоначальном осмотре оно выглядело так, будто женщина удерживает мужчину у края воды.

— Я хочу, чтобы специалист повторил этот ракурс, — сказала Ольга. — Со стула, откуда снимали. Не просто посмотрел фото. Пусть положит кого-нибудь там и проверит, что видно.

— Нам нужно согласие отеля и процессуальное оформление проверки.

— Тогда занимайтесь им. Зачем вы принесли мне рулетку?

Сомчай позволил себе короткую улыбку.

— Я надеялся, что вы скажете именно так.

* * *

В отель приехали два человека: сотрудник защиты, которого Сомчай нанял для сбора сведений, и эксперт по изображению, говоривший по-английски с заметным австралийским акцентом. Они не выдавали себя за следователей и не требовали от персонала ничего, на что у них не было права. Управляющий сперва отказал им в доступе к домику: после происшествия тот снова сдавали гостям. Сомчай договорил-

ся о коротком осмотре в период между выездами, когда помещение пустовало.

Эксперту пришлось ждать сорок минут, пока горничная закончит уборку. Он сидел у дорожки на пластиковом стуле, смотрел на мокрый гравий и время от времени фотографировал кусты. Мальчик из соседнего домика попросил снять его игрушечного динозавра. Эксперт согласился и сделал три фотографии, пока родители не позвали ребёнка обратно.

Первое измерение оказалось неудачным. За год у террасы сменили часть мебели, а шезлонг, стоявший на полицейской фотографии, заменили другим. Пришлось сверять старые изображения с расположением плитки. Эксперт попросил помощника надеть синюю рубашку и занять у бортика положение, в котором, по словам Ольги, находилось тело Дениса.

С балкона соседнего домика было видно плечо помощника, его руку и половину лица. Остальное закрывал высокий куст.

— Если человек окажется ниже? — спросил помощник.

— Покажи.

Когда тот опустился, лицо исчезло совсем. На снимке оставались плечо и спина другого человека, наклонившегося над ним.

Эксперт сделал серию фотографий. На одном кадре помощник мог выглядеть как нападавший, на другом — как спасатель. Положение камеры и небольшое изменение на-

клона были важнее любого выражения лица.

Управляющий, наблюдавший за работой, раздражённо постучал по часам.

— Ещё пять минут.

— Вы работали здесь в день убийства? — спросил помощник.

— Да.

— Тогда вспомните, где стояла тележка для белья, когда приехала полиция.

Управляющий пожал плечами.

— На хозяйственной дорожке. Где ей положено стоять.

— А можно от домика пройти к этой дорожке, не показываясь у главного входа?

— Можно, конечно. Персонал так и ходит. Для чего вы спрашиваете?

Эксперт не ответил. Он подошёл к краю террасы, где за высокой изгородью темнела узкая полоска влажной земли. Проход был едва заметен со стороны гостевых домиков. Оттуда пахло моющим средством и горячим воздухом кухни.

— Раньше здесь тоже был проход? — спросил он.

— Всегда был. Только не для гостей.

Они успели снять его расположение, прежде чем управляющий попросил закончить осмотр.

* * *

Через две недели Сомчай вновь пришёл к Ольге. Она ждала от него важной новости: нашли владельца сумки, устано-

вили время смерти, кто-то наконец вспомнил мужчину в белой рубашке. Вместо этого адвокат показал два почти одинаковых изображения женщины, склонившейся над водой.

— Этот снимок сделан во время имитации спасения, — сказал он, указывая на левый. — Второй — при имитации удержания тела. Разницу невозможно установить без кадров до и после.

— Значит, обвинение не сможет пользоваться фотографией?

— Сможет. Но мы потребуем учитывать пределы того, что она показывает. И зададим вопросы автору снимка.

Ольга придвинула лист ближе. Лицо человека над бассейном было закрыто мокрыми волосами. Она смотрела на него и будто видела саму себя с чужого берега — маленькую фигуру, о которой кто-то уже решил всё самое страшное.

— Что ещё? — спросила она.

— Сотрудник отеля сказал, что существует короткий выход к хозяйственному корпусу. Он не учтён в объяснении маршрута гостей.

— Я же нарисовала его.

— Вы нарисовали предположение. Теперь можно показать, что проход действительно есть. Но кто им пользовался в тот вечер, мы не знаем.

Ольга повела пальцем по снимку. В углу бассейна отражалось окно, а над ним — узкий выступ крыши. Она была там и не заметила этой детали. Человек с балкона мог видеть

руки, но не то, что происходит под навесом.

— Сомчай, — сказала она. — Если они не видели лица Дениса в воде, почему решили, что я держала его живого?

Адвокат помолчал.

— Потому что свидетель так описал свои впечатления. Нам надо спросить, что именно он видел, а что предположил.

Ольга выпрямилась.

— Тогда я хочу услышать, как он это скажет сам.

* * *

Пхукет, ноябрь 2020 года

В тюрьме Ольга знала четырнадцать тайских слов, но пользовалась только четырьмя.

Вода. Больно. Можно. Спасибо.

С остальными было опаснее. Одно она несколько недель принимала за просьбу, пока не выяснилось, что это приказ. Другое означало «подождите» — слово, которое казалось здесь единственной бесконечной величиной. Третье произносилось почти так же, как «вчера», и Ольга успела запутать с его помощью двух сотрудников, прежде чем поняла ошибку.

Она носила на запястье узкую нитку, завязанную двойным узлом. Нитка осталась от пакета с бельём. Соседка по комнате показала ей, что если коснуться узла перед разговором, легче не торопиться и не произносить первое пришедшее в голову английское слово. Никакого особого смысла в жесте не было; просто две секунды тишины, за которые можно

вспомнить нужное.

Утром Ольгу вызвали к столу, стоявшему в конце коридора. Сотрудница держала бумажный бланк и показывала на нижнюю строчку. Ольга уловила своё имя, слово «посещение» и дату, но не поняла, речь о назначенной встрече или об отказе в ней.

— Адвокат, — сказала она по-английски. — Я жду адвоката.

Сотрудница показала на подпись.

— Перевод, пожалуйста.

Ей снова указали на строчку. За спиной стояли другие женщины. Одна сердито переступила с ноги на ногу.

Ольга взяла ручку и подписала.

Через час выяснилось, что она поставила подпись под подтверждением отказа от назначенного посещения: сотрудницы поняли, будто заключённая сама просит перенести встречу. Сомчай уехал, так и не увидев её. Свободного времени на повторный визит на той неделе у него не было.

Ольга пыталась объяснить, что произошла ошибка. Повысила голос. Показала на бумагу, потребовала переводчика. Сотрудница попросила её отойти от стола, чтобы не задерживать очередь. Она продолжала спорить, пока за локоть её не отвели обратно в коридор.

Вечером Ольга сидела на койке с распухшими от злости глазами. Соседка, которую звали Май, разложила на полотенце выстиранную одежду. Левый рукав её блузки был на-

дорван у плеча.

— Ты ругаться, — сказала Май по-русски.

— Я пыталась добиться перевода.

Май подняла брови.

— Ты ругаться громко. Бумага тихо.

Ольга посмотрела на женщину. Май несколько месяцев учила русские слова, выпрашивая их у неё, и зачастую использовала самые неприятные из них в неподходящие минуты.

— Замечательно. Я сижу здесь за убийство, которого не совершала, а мне объясняют, как разговаривать с бумагой.

— Ты хочешь ругаться ещё? — спросила Май.

— Очень.

Та протянула ей блузку.

— Тогда сначала шей. Рукав.

Иголку Ольга получила у сотрудницы на установленное время, вместе с остальными женщинами, которым разрешили подшить одежду. Май держала ткань натянутой, а Ольга аккуратно собирала край мелкими стежками. Работа оказалась настолько привычной, что руки почти сразу перестали дрожать. Она даже не заметила, когда перестала ругаться.

— Сколько надо слов, чтобы здесь не подписывать чепуху? — спросила она.

Май подумала.

— Двадцать. Но правильных.

С той недели Ольга стала носить в памяти не просто тай-

ские слова, а целые сочетания: «я не понимаю», «позовите переводчика», «я должна прочесть», «это не моя просьба». Май проверяла произношение, жестами изображая строгую сотрудницу, и каждый раз смеялась, когда Ольга путала интонацию.

— Ты говоришь как человек, который покупать рыба и ругаться рыба, — объявила она.

— Рыба хотя бы не требует подписи.

* * *

Декабрь в России Ольга представляла по привычным подробностям: мокрый снег возле остановок, грязные колёса машин, серая шапка сына с помпоном, которую Михаил считал некрасивой. В Таиланде на улице по-прежнему было жарко. Дождь то прекращался на неделю, то начинался без предупреждения.

Сомчай приехал на следующий месяц. Ольга показала ему записи новых фраз, сделанные русскими буквами на обороте разрешённого листка. Он заметил несколько ошибок и поправил ударения.

— Не представлял, что вы будете учить язык быстрее, чем мы продвигаемся по делу, — сказал он.

— С такой скоростью я успею стать переводчиком.

— Это полезная профессия.

— Не смешно.

Он перестал улыбаться и сообщил, что запрос о повторном исследовании обстоятельств получения фотографии по-

ка не удовлетворён. Суд примет материалы защиты, но стороне обвинения дали время представить свои возражения. Пандемия нарушила сроки нескольких заседаний. У адвоката были клиенты, которые месяцами ждали даже технического решения.

Ольга рассказала ему о подписанной бумаге. Сомчай сразу помрачнел.

— Если вас просят подтвердить что-либо на языке, который вы не понимаете, настаивайте на переводе. Не поддавайтесь очереди. При невозможности прочитать лучше зафиксировать отказ от подписи, а не от встречи.

Она показала ему выученные слова.

— Я теперь знаю, как это сказать. Есть возможность восстановить пропущенное посещение?

— Я подам обращение. Но сегодня мы здесь. Давайте используем время.

Она придвинула свой рисунок домика.

— Вы выяснили, где был Михаил?

— Он сообщил, что спустился в бар около семи. Мы запросили сведения, которые могли бы подтвердить это. Отель предоставил записи с нескольких камер общих зон, но часть файлов не сохранилась. Сотрудники в баре менялись, некоторые больше там не работают.

— То есть вы не знаете.

— Пока нет.

Ольга перевернула листок и нарисовала прямоугольник. В

нѐм отметила вход в бар, столики и место, где Михаил обычно садился, когда хотел видеть дверь. По телефону он говорил ей, что у стойки слишком шумно.

— Если он был там, он смотрел на вход. Всегда смотрел. Даже когда мы просто ждали официанта. Это его привычка.

— Вы хотите узнать, видел ли его кто-нибудь входящим?

— Нет. Я хочу знать, мог ли он выйти, не проходя через главный холл. Муж любил короткие дороги. Он находил их везде: на парковках, в торговых центрах, даже в театре. Меня это бесило. А теперь я думаю, куда он мог свернуть в тот вечер.

Сомчай записал вопрос. Он ничего ей не обещал.

* * *

Перед Новым годом принесли письмо от матери. Ольга узнала, что у Лёвы выросли два постоянных зуба и что учительница хвалит его за математику, но ругает за привычку переспрашивать. Мать приписала внизу: «Миша говорит, он не хочет слышать о суде. Не сердись. Мы сами не понимаем, как с ним говорить».

Между двумя строками остался пустой промежуток. Ольга ошупала его пальцем, словно там могло быть стёрто что-то важное.

Она написала ответ не сыну и не мужу — матери. Попросила больше не спрашивать Михаила, хочет ли Лёва получить письмо. Попросила рассказывать мальчику о ней так, как это делали до ареста: о неудачных пирогах, кривых де-

корациях, о том, что она вечно теряла кисточки. Не о суде и не о том, кто что говорил следователям.

«Когда он захочет, пусть сам решит, о чём спросить меня», — написала она.

Потом зачеркнула последние слова и написала проще. «Пожалуйста, не убирайте мои фотографии».

На следующий день Май принесла ей старую полоску ткани и попросила сделать на ней карман. Ольга измерила ладонью ширину и принялась работать. К ткани пристала красная нитка. Раньше такой цвет она непременно сняла бы — испортит всё изделие. Теперь оставила. Карман от этого не стал хуже держать вещи.

Глава 8. Запасной выход

Краби, февраль 2021 года

Марта Беккер начала показания с того, что попросила стакан воды.

Она приехала из Германии специально для заседания и говорила по-английски медленно, старательно выговаривая каждое слово. Ей было около шестидесяти, на переносице осталась светлая полоска от очков, которые она сняла перед входом в зал. Ольга узнала её по фотографии: Марта жила в соседнем домике и сняла тот кадр, который потом много месяцев показывали в суде.

— Я не хотела ни во что вмешиваться, — сказала свидетельница через переводчика. — Мы приехали отдохнуть. Мужу делали операцию на колене. Нам советовали спокойное место.

На вопрос о вечере убийства она сначала рассказала о дожде. Дождь шёл до обеда, к вечеру прояснилось, и она вышла на балкон, потому что в комнате пахло кондиционером. От соседней террасы донёсся звук, похожий на всплеск. Потом она увидела женщину в синем платье у бассейна.

— Женщина держала мужчину за плечи и прижимала его к воде, — произнесла Марта.

Ольга резко подняла голову.

— Я вытаскивала его!

Сомчай прикрыл ладонью край стола: жест означал, что вмешиваться нельзя. Ольга сжала пальцы до боли. Она мысленно повторяла все движения у бассейна — мокрая рубашка, скользкая ступенька, тяжёлое тело — и слышала в чужом переводе совсем другую историю.

Марта не смотрела на неё. Она говорила, что увидела движение рук, испугалась, вернулась в комнату за телефоном и успела сделать снимок. После этого до неё донёсся крик о помощи.

Обвинитель попросил уточнить, сколько времени прошло между всплеском и криком.

— Точно не скажу. Пять минут. Может быть, десять. Я не смотрела на часы каждую секунду.

— Но вы уверены, что это была одна и та же женщина?

— В синем платье, да.

— Вы видели, чтобы на террасу входил кто-нибудь ещё?

— Нет.

Сомчай попросил разрешения задать вопросы.

— Вы видели лицо мужчины, когда женщина держала его за плечи?

— Нет. Он был ниже бортика.

— Вы видели, двигался ли мужчина самостоятельно?

Марта долго думала, потом покачала головой.

— Не могу сказать. Мне показалось, что он сопротивляется.

— Почему?

— Вода двигалась. Она всё время двигала руками.
В зале было слышно, как кто-то переворачивает лист.

— Вы слышали слова мужчины?

— Нет.

— Вы видели, когда он оказался в бассейне?

— Нет.

— Тогда почему вы решили, что наблюдали нападение?

Марта обернулась к переводчику, будто предположила, что вопрос прозвучал грубее, чем должен был.

— Женщина была над ним, — сказала она. — Её руки лежали у него на плечах. Я испугалась.

Сомчай не стал спорить. Он показал ей два снимка с реконструкции защиты. На обоих была фигура над бортиком, но в одном случае человек пытался вытянуть другого из воды, а во втором изображал противоположное движение.

— Можете определить, что происходит на этих снимках?

— Нет.

— Какой из них больше похож на увиденное вами?

Марта рассмотрела оба.

— Оба похожи. Но я видела всё своими глазами.

— Именно поэтому я прошу рассказать о том, чего не видно на фотографии. Вы могли различить положение ладоней?

— Не помню.

— Высоту головы мужчины над водой?

— Нет.

— Зато вы помните, что женщина была в синем платье?

— Да.

Сомчай убрал снимки. Вскоре вопросы закончились.

На перерыве Ольга попросила воды. Переводчица достала бутылку из сумки. Несколько секунд Ольга не могла отвинтить крышку и злилась на собственные пальцы сильнее, чем на свидетельницу.

— Она не врёт, — сказала Ольга.

— Я тоже так думаю, — ответил Сомчай.

— Она просто видела не то.

— Она видела ваши действия. Она объяснила их иначе.

— Но если она честная, суд ей поверит.

Адвокат не ответил. У двери уже ждали, когда продолжится заседание.

* * *

Вечером того же дня Кира Кравцова сидела у гостиничного окна и пыталась позвонить матери. Связь была плохая, звонок несколько раз обрывался. На экране ноутбука у неё оставались фотографии из комнаты Дениса, сделанные девятнадцать месяцев назад перед тем, как вещи передали семье.

Она знала, что принесённые в суд сведения могут как помочь обвинению, так и помешать ему. От этого легче не становилось. Денис не был человеком, который заслуживал смерти, каким бы неприятным кому-то ни показался. Но Кира больше не могла смотреть на суд как на соревнование, где нужно победить ради близкого.

В соседней комнате муж смотрел новости без звука. Их дочери оставались с бабушкой в Москве. Кира вытащила из кошелька бумажный квадратик, который младшая нарисовала перед отъездом: «ДЛЯ ДЯДИ ДЕНИСА». Девочка пока не умела писать его имя без ошибок.

Она открыла в телефоне контакт Сомчая. Адвокат однажды оставил ей визитку, и Кира сохранила номер — на всякий случай.

«Я говорила вашей клиентке, что брат оставил часть съёмки в России», — написала она. Стерла.

Подумала и набрала заново:

«У меня нет обещанной записи. Мама отдала специалисту несколько карт памяти, он проверил. На них рабочие съёмки. Других мы не нашли. Но я хочу, чтобы вы знали: в последнюю неделю Денис просил меня не удалять его сообщения, даже если он разозлится и попросит об этом сам. Я не понимаю, что он имел в виду».

Кира перечитала текст. Никакой сенсации в нём не было. Возможно, брат просто опасался потерять рабочую переписку. Возможно, у него были неприятности, о которых семья не знала.

Она нажала «Отправить».

Через минуту телефон снова зазвонил. Это была мать, дозвонившаяся с третьей попытки.

— Кирочка, ну что там? — спросила она. — Ты его видела? Того судью? Он понимает, что сделал с нами этот че-

ловек?

Кира прикрыла глаза.

— Мам, судья слушает всех. Я пока не знаю, что он решит.

— Ты за этим туда поехала? Чтобы не знать?

— Я поехала, чтобы не пришлось нам однажды узнать, что всё было не так, а мы не захотели услышать.

Мать положила трубку.

Кира сидела у окна, не двигаясь. Потом встала, пошла в ванную и умыла лицо прохладной водой. На зеркале остались три капли, которые она вытерла ладонью.

* * *

К марту судебные прения завершились. Ольга много раз пыталась восстановить в голове вопросы Марте Беккер. Свидетельница не видела, когда мужчина оказался в воде, не слышала его голоса, не могла различить движения рук. Но она видела женщину в синем платье, и от этого факта никуда было не деться.

Однажды ночью Ольга проснулась от звука металлической миски, упавшей в коридоре. Ей приснился бассейн, хотя во сне он находился не в Таиланде, а в московском театре, прямо на сцене. На бортике лежала деревянная сабля Лёвы.

Она посидела несколько минут, прислушиваясь к дыханию соседок, затем попросила разрешения взять бумагу. Нарисовала два положения собственных рук у бортика и подписала, что делала каждой: «держала плечо», «искала ступень». Когда Сомчай приехал на последнюю встречу перед

приговором, она передала ему рисунок.

— Для суда уже поздно? — спросила она.

— Мы сможем использовать это, если потребуется объяснить ваши действия при обжаловании.

— Мне не нужен рисунок вместо оправдания. Просто заберите. Я не хочу ещё через год забыть, какой рукой держала его голову.

Он сложил лист, не разглаживая складок.

* * *

Пхукет, март 2021 года. После приговора

Когда Ольгу привезли обратно, Май сразу поняла, что произошло. Не по лицу — оно выглядело таким же, как до суда, — а по тому, что Ольга не сняла обувь, прежде чем сесть на койку.

— Плохо? — спросила Май.

— Восемнадцать лет.

Май несколько секунд смотрела на неё.

— Большое число.

— Я умею считать.

— Я знаю.

Май поставила рядом кружку воды и вернулась к своей одежде. В этом было больше участия, чем в долгих попытках найти правильные слова. Ольга выпила полкружки и откинулась к стене. За окном кричала птица — каждый день одна и та же, с неприятным скрипучим голосом.

Срок исчислялся с момента ареста. Ей объяснили, что уже

проведённое в заключении время учитывается. Она машинально вычла из восемнадцати почти два года. Получилось число, которое не помещалось ни в один образ будущего. Лёва успеет закончить школу. Возможно, женится. Возможно, уедет. Возможно, когда она выйдет, он даже не станет брать трубку.

Она закрыла глаза.

И увидела не сына и не Соню — только синий прямоугольник гостиничного бассейна и свои руки на чужой мокрой рубашке.

* * *

На следующей встрече Сомчай выглядел более измученным, чем в день приговора. Он принёс копию решения и лист с датами, которые уже показывал ей на лестнице суда. Ничего из этого Ольга пока не хотела читать.

— Что именно признали доказанным? — спросила она.

Адвокат перечислял медленно, проверяя, что перевод понятен. Суд установил наличие конфликта с погибшим, счёл убедительными свидетельские показания и принял обвинительную трактовку обнаруженных следов. Доводы защиты о возможном присутствии другого человека не были признаны достаточными, чтобы изменить общий вывод.

— А время смерти?

— Указан диапазон. Он не исключает ваш приход.

— Я не могла быть там раньше, чем пришла.

— Это один из доводов жалобы.

— Мой муж был в баре?

— По его словам, да. Сторона обвинения не была обязана устанавливать алиби каждого свидетеля. Мы сможем ходатайствовать о проверке и представить сведения, если их получим.

Ольга встала. Комната была маленькой, пройти можно было только три шага до стены и обратно.

— Тогда не надо писать в жалобе, что я «добропорядочная мать, которая не могла совершить убийство». Это звучит чудовищно. Матери совершают преступления. Хорошие люди тоже. Напишите, что у меня не было времени и что кто-то пришёл до меня.

— Без установленного времени смерти и подтверждённого другого посетителя этих утверждений недостаточно.

— Найдите посетителя.

— Попытаемся.

— Я не прошу меня пожалеть, Сомчай. Я прошу не тратить ни одной страницы на то, какая я женщина. Я знаю, какая я. Суду это всё равно.

Адвокат закрыл свой блокнот.

— Вы можете описать своего мужа в день ареста? Не ваши чувства, а его действия.

Ольга начала с утра: завтрак, дождь, прогулка, предложение пойти на пляж, застёгнутая цепочка. Вечером Михаил сказал, что будет в баре. Она не проверила. Когда полиция приехала, он появился в сухой рубашке — но дождь уже пре-

кратился. В служебной комнате он велел ей подробно рассказывать о своём горе и страхе за сына. На следующий день исчез.

— Я пыталась ему дозвониться, — сказала Ольга. — Потом он приезжал. Но говорил не о Денисе. Всё время спрашивал, что я успела рассказать.

— Он мог волноваться за вас.

— Мог.

— У вас есть причина думать иначе?

Ольга вспомнила его лицо на суде. Не выражение раскаяния или злорадства — она не сумела бы определить. Она вспомнила другое: когда переводчица произнесла срок, Михаил не удивился. Даже не переспросил.

— В Москве он спрашивал, что я сделала бы на причале иначе, — ответила она. — В Таиланде тоже. Как будто между смертью Сони и смертью Дениса есть связь, которую я не понимаю.

— Муж мог обвинять вас в гибели дочери.

— Он никогда не говорил прямо.

— А если считал это правдой?

Ольга потерла ладонью горло. На коже появилась красная полоса.

— Тогда он мог меня ненавидеть. Но зачем ему было убивать Дениса? Фотограф только показал запись.

Вопрос остался на столе между ними. Адвокат не предложил удобного ответа.

— Мне нужны две вещи, — сказала она. — Кто находился у домика до меня. И что Денис собирался показать мне помимо семнадцати секунд.

Сомчай записал обе просьбы. Потом рассказал о сообщении Киры Кравцовой — той самой сестры погибшего, которая раньше обвиняла Ольгу в коридоре суда. Кира не нашла полной записи, но сообщила, что Денис беспокоился за сохранность собственной переписки. Она согласилась предоставить адвокату сведения при условии, что материалы будут проверены официально.

Ольга слушала, не перебивая.

— Вы не думаете, что это ловушка? — спросил Сомчай.

— Кира ненавидит меня, — ответила Ольга. — Но брата она любила. Я бы на её месте тоже хотела узнать, кому он писал перед смертью.

* * *

Москва встретила Михаила мокрым снегом. Он вернулся из Таиланда ночью, когда сын уже спал. В прихожей стояли школьные ботинки, к одному был прикреплён яркий жёлтый шнурок. Лёва находил такие шнурки уродливыми, но всё равно носил: по одному на каждый ботинок, чтобы не путать правый с левым.

На кухне горел маленький светильник. Михаил положил ключи в блюдо и увидел на столе лист, исписанный крупными буквами.

«ПОЧЕМУ МАМА НЕ МОЖЕТ ПОЗВОНИТЬ».

Внизу Лёва поставил знак вопроса размером с ладонь.

Михаил не стал будить мальчика. Сел на краешек стула и долго разглядывал вопросы, которые сын задал не ему, а бумаге. Потом сложил лист вчетверо и убрал в карман.

Утром за завтраком Лёва спросил:

— Ты её видел?

— Видел.

— Она что сказала?

Михаил аккуратно отодвинул тарелку. Раньше сын ел сырки, разделяя их на три части. Теперь он разрезал хлеб на квадраты и складывал башню, которую съедал сверху вниз. Михаил заметил новую привычку только сегодня.

— Она просила передать, что любит тебя.

Это была правда. Ольга просила об этом не один раз.

— А когда она приедет?

— Не скоро.

— Сколько?

— Я пока не знаю.

— Она заболела?

Михаил провёл большим пальцем по краю чашки.

— Она сделала одну очень плохую вещь. Теперь взрослые разбираются.

— Ты видел, как она делала?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Михаил поднял глаза. Лёва перестал жевать и ждал отве-

та, уперев подбородок в ладонь. Так когда-то делала Соня, если ловила отца на ошибке в настольной игре.

— Мне рассказали люди, которые знают, — произнёс Михаил.

— А мама говорит, что не делала.

— Ты откуда это взял?

— Бабушка сказала.

Михаил резко встал, хотя не собирался. Чашка сдвинулась и опрокинулась; кофе растёкся по клеёнке и капнул на край школьной тетради.

— Чёрт.

Лёва отпрянул.

— Прости, — сразу сказал отец. — Не из-за тебя. Я сам неловкий.

Он вытер стол и раскрыл тетрадь, проверяя, не промокли ли страницы. На последнем листе сын рисовал парусник. Корпус был зелёным, парус красным, а над водой стояла фигура с длинными волосами.

— Это кто? — спросил Михаил.

— Мама.

— Почему на берегу?

Лёва пожал плечами.

— Кто-то же должен нас встречать.

Михаил закрыл тетрадь и отдал её мальчику. За окном проехала машина, поднимая серую кашу из снега и воды. Он собирался сказать сыну, что мама никогда больше не сможет

встречать его на берегу. Слова были готовы. Но Лёва уже положил тетрадь в рюкзак и спросил, можно ли сегодня пойти в школу в жёлтых шнурках.

— Можно, — ответил Михаил.

* * *

В конце марта Ольге разрешили короткий разговор с матерью. Она услышала, что Лёва ходит в школу и иногда ночует у бабушки, что Женя вернулась к работе над детским спектаклем, что в Москве снова закрывают и открывают кружки из-за ограничений.

— Мама, — сказала Ольга. — Ты видела Лёву после приговора?

— Да. Он был у меня в воскресенье.

— Что он спросил?

Женщина на другом конце долго подбирала слова.

— Спросил, если человек ничего не видел, может ли он говорить, что знает.

Ольга села на край стула. Позади неё кто-то громко попросил передать трубку.

— Что ты ответила?

— Сказала, что может ошибаться. И что взрослые ошибаются гораздо чаще, чем думают дети.

— Он сказал что-нибудь ещё?

— Попросил старую фотографию с вами и Соней. Я нашла ту, где вы на даче делали воздушного змея.

— Ты отдала?

— Да. Михаил не знал. Или знал и промолчал.

Ольга прижала пальцы к глазам.

— Мам. Не спорь с ним при Лёве. И не заставляй сына выбирать, кому верить.

— Я не заставляю.

— Я знаю. Просто он маленький. Он не обязан разбираться в этом вместо нас.

Мать всхлипнула, а затем неожиданно рассердилась:

— Олька, прекрати меня воспитывать. Я два года хожу по твоей квартире и не знаю, какие вещи можно переставлять. У меня твой шарф висит на том же крючке, где ты его оставила. Я сама разберусь, как разговаривать с внуком.

Ольга хотела засмеяться и заплакать одновременно.

— Ладно, — сказала она. — Только шарф выброси. Он колючий.

— Сама приедешь и выбросишь.

Связь оборвалась.

После разговора Ольга вернулась в комнату, разложила на койке разрешённые листы бумаги и написала Сомчаю три коротких вопроса. Первый — о доступе к служебному проходу. Второй — о человеке, который подтверждал, что Михаил весь вечер был в баре. Третий — о том, где хранятся изъятые у Дениса вещи, в том числе открытый фотокофр.

Она не добавила ни слова о своём характере, о любви к детям или о том, что не могла совершить убийство. Внизу поставила дату и подпись.

Май подошла к ней с куском ткани и показала расходящийся шов.

— Завтра? — спросила она.

— Сегодня, — сказала Ольга и потянулась за ниткой.

Глава 9. Право открыть дверь

Апрель — июнь 2021 года. Москва

Когда Евгения пришла к Михаилу, дверь открыл Лёва. На нём были два разных носка и футболка с космонавтом, от которого после стирки осталась одна голова.

— Жень, ты вовремя. У нас тут катастрофа.

— Какая по счёту?

— Третья. Первую мы уже съели.

Мальчик потянул её на кухню. На столе остывала миска с тестом; рядом лежали два угольно-чёрных круга. Михаил стоял у плиты и пытался тонкой лопаткой отделить третий от сковородки. Глядя на его сосредоточенное лицо, можно было решить, что он работает с прибором, который взорвётся от неосторожного движения.

— Папа говорит, блины легче, чем сырники. Он врёт, — сообщил Лёва.

— В инженерном деле это называется оптимистичной оценкой, — сказал Михаил.

Он улыбался. Даже слишком легко — как человек, успевший прежде других решить, что разговор будет о блинах. Женя поставила пакет на стул. Внутри лежали белая нить, ножницы с жёлтыми ручками и копия рисунка корабля, который Ольга прислала сыну из заключения. Оригинал Михаил не передал.

— Лёв, сходи к себе. Я с твоим папой поговорю о взрослой скукоте.

— Про налоговую?

— Хуже. Про почту.

Мальчик вздохнул и ушёл, прихватив один испорченный блин. Михаил убрал сковороду с огня.

— Он уже спрашивал тебя про письма?

— Он спросил, получила ли мама его корабль.

— Я обещал всё передавать через адвоката.

— Ты обещал. Это две разные операции.

Она достала из сумки рисунок и положила рядом с тарелкой. Бумага была гладкой, без следа детских пальцев. Михаил посмотрел, но не взял.

— Ты не представляешь, что с ним происходит, когда он слышит о ней, — сказал он. — После последнего разговора неделю спал со светом. Психолог советовала уменьшить стресс.

— Назови психолога.

— Зачем?

— Позвоню. Узнаю, рекомендовала ли она прятать письма от матери. Может, это новая методика, а мы отстали от прогресса.

Михаил передвинул тарелку с места на место. Женя заметила, что на кухне исчезла фотография Сони. Не со стены — с холодильника, где девочка была снята с огромным куском арбуза и сердито шурилась от солнца. Магнит в виде крас-

ной машины остался.

— Мне не нужна проверка твоими руками, — сказал он.
— Давай лучше договоримся, что ты будешь навещать Лёву, а мои решения оставишь мне.

— Хорошо. Тогда моё решение — не врать ему.

В коридоре щёлкнула дверь. Лёва явно прислушивался. Женя повысила голос:

— Лёв, я привезла тебе кое-что! Можно войти?

— Только не по полу, там опасность.

Опасностью оказался город из кубиков. Между зданиями лежала синяя лента — река; через неё был проложен мост из металлического конструктора. Женя присела, чтобы разглядеть его. У моста не было среднего пролёта.

— Развалится же.

— Не развалится. Смотри. — Лёва нажал на один конец; другой поднялся и лёг точно на опору. — Я так сделал, чтобы машины не ехали, когда там корабль.

— А корабль откуда знает, когда ехать?

— Он гудит.

Мальчик протянул ей деревянный катер. На борту было написано кривыми буквами «СОНЯ». Женя подавила желание спросить, откуда взялось название. Лёва назвал его без тени смущения, будто это было нормальное имя для судна и нормальная вещь — построить сестре маленькую пристань.

Она достала рисунок Ольги. Лёва сразу узнал зелёный парус и красный флажок.

— Это мама нарисовала?

— Да.

— Папа сказал, ей нельзя присылать картинки.

Женя удержала пальцы на бумаге. Заставить ребёнка взять правду одного взрослого против другого можно было за секунду. Вернуть после этого спокойствие — за годы.

— Ей разрешили отправить этот рисунок, — сказала она.

— Ты можешь положить его в город. Или убрать в ящик. Это твоё.

Лёва поставил картинку к стене, полюбовался и перевернул белой стороной наружу.

— Пока так, — сказал он. — Чтобы папа не расстроился.

Из кухни донёсся голос Михаила:

— Лёва, Женя остаётся на обед?

— Если мы закажем пиццу! — крикнул мальчик.

Женя осталась. Ела пиццу, слушала рассказ о школе и смеялась над преподавателем, который обещал не задавать домашнее задание, а потом задавал «небольшое упражнение». Она не хотела, чтобы Лёва запомнил этот день как ещё один взрослый скандал. По дороге домой ей пришлось остановиться у аптеки: пальцы дрожали так сильно, что она не могла пристегнуть ремень безопасности.

В начале мая Женя привезла Лёве набор цветных мелков. Это был предлог: мальчик давно перешёл на маркеры, но она знала, что Михаил не пригласит её просто так. Они вышли рисовать во двор. На асфальте у подъезда уже были нари-

сованы кривые классики, солнце с квадратными лучами и слово «ВЫХОД», написанное возле двери трансформаторной будки.

— Здесь нельзя, — сказал Лёва, указывая на последнее.
— Там охрана ругается.

— Я и не собираюсь входить.

— А почему у взрослых всё время бывают двери, куда нельзя?

— Ты хочешь серьёзный ответ или хороший?

— Серьёзный. Смешные я сам придумую.

Женя присела на корточки. Вместе они нарисовали город, где никто не мог оказаться заперт: у каждого дома был второй выход. Лёва вычертил у школы узкий туннель до метро. Женя добавила автобус, застрявший между воротами. Мальчик попросил стереть его: водитель бы так не поступил.

— Ты всех исправляешь, как папа, — сказала она.

— Папа не всех. Папа меня исправляет. — Лёва посмотрел на свои руки, испачканные синим. — Он раньше рассказывал, что маме нельзя звонить из-за правил. А бабушка говорит, можно, если договориться заранее. Может, в разных местах разные правила?

— Да, разные. Но иногда взрослые ссылаются на правила, когда им самим трудно.

— Ему трудно со мной?

— Я думаю, ему трудно со многим.

Лёва встал. Поглядел на нарисованную дорогу, затем стёр

подошвой один мост.

— Тогда давай вообще без туннеля. Пусть автобусы ездят поверху.

Она не стала восстанавливать мост за него. Дома Михаил объяснил, что Лёва вечером опять задавал вопросы про маму, а после уснул в одежде. Он говорил так, будто виноват был карандаш, которым рисовали мост.

— Он задаёт вопросы независимо от того, прихожу я или нет, — сказала Женя. — Ты не сможешь договориться, чтобы их не существовало.

Михаил внимательно вымыл губку под краном и положил её на край раковины.

— Ты знаешь, чего я хочу? Чтобы он хоть один день прожил без слова «тюрьма».

— А ты знаешь, чего он хочет? Чтобы ему перестали выдавать ответы не на те вопросы.

Она надела куртку и ушла, оставив в прихожей мелки. На следующий день Лёва прислал ей снимок асфальта. Ночью прошёл дождь, город почти смыло. Осталось только слово «ВЫХОД», написанное толстым белым мелом.

В костюмерной Женя нашла старую открытку, которую Ольга оставила в ящике с мелкими пуговицами: открытка с изображением смешного балетного бегемота, подписанная «Жене, потому что ты единственная помнишь, куда мы кладем иголки». Она прилепила её рядом с рабочим расписанием. Вечером уборщица спросила, почему открытка вдруг

появилась. Женя ответила: «Потому что её хозяйка временно не работает». На этот раз она не стала объяснять слово «временно».

Через три дня Михаил сам позвонил.

— Слушай, можно без войны? — спросил он. — Я отдам ему письма. Постепенно. Давай ты перестанешь появляться с доказательствами, будто я на допросе.

— С какого начнёшь?

— Что?

— С какого письма? Их сколько у тебя?

Ответа не было. Женя услышала, как на другом конце трубки треснул выключатель.

— Я не веду учёт, — сказал Михаил.

— А зря. Тебе бы подошло.

Через неделю Лёва прислал ей ещё одну фотографию: новый мост из конструктора держал сразу три машинки. На обороте листа, который бабушка сфотографировала для Жени, было написано «ЭТО НЕ ПАПИНА РАБОТА». Женя показала снимок Ларисе Игнатьевне. Та усмехнулась и сказала, что мальчик хорошо знает, как взрослые любят приписывать себе чужую работу. Они обе рассмеялись, но Женя почти сразу убрала телефон: завтра ей предстояло звонить адвокату и говорить о совсем другом мосте, том, с которого никто не видел пространство под водой.

В июне она встретилась с Ларисой Игнатьевной. Мать Ольги принесла старый семейный альбом, вытертый на ко-

решке почти до картона. Они сидели в костюмерной, среди театральных голов, на которых примеряли парики, и перебирали фотографии. Соня в детском бассейне. Соня без переднего зуба. Лёва с ведром на голове. Михаил у машины с раскрытым багажником.

— Ты зачем меня позвала? — спросила Лариса Игнатьевна. — Только фотографии посмотреть?

— Хочу поехать в Конаково.

Бабушка замерла над снимком, на котором внуки корчили рожи.

— Там что, ищут убийцу? Ольку в другой стране держат, а ты на Волгу собираешься.

— Муж её из-за той записи с ума сводил. Ты помнишь, кто был на причале в день Сони?

— Помню ребёнка, который утонул. Остальных не считаю.

— Нам нужно посчитать. Не для суда сейчас. Для себя. Миша утверждает, что Ольга могла стоять и ничего не делать. Денис говорил, что на записи не видно Лёву. Если кто-то видел мальчика под настилом...

Лариса Игнатьевна поднялась и закрыла альбом. Женя приготовилась к отказу.

— Поедем на моей машине, — сказала женщина. — Только ты за рулём. Я после больницы ночью плохо вижу.

— Это днём.

— Ты ещё поспорь с пожилым человеком. И воду возьми.

Там негде купить нормальную.

Вечером Евгения нашла в своём телефоне старое сообщение от Ольги: «Если Лёва опять устроит потоп из ванной, скажи Мише, что мне нужен новый пол». Сообщение было отправлено за неделю до той поездки. Женя перечитала его, потом набрала ответ на номер, который давно не работал: «Пол на месте. Остальное будем чинить».

Отправлять не стала. Убрала телефон и проверила давление в шинах.

* * *

Июль 2021 года. Конаково

На причале сменили половину досок. Старую лестницу сняли, а на её месте висела новая, с пластиковыми накладками, которые казались издевательски надёжными. На берегу появилась будка проката сапбордов. Молодой инструктор объяснял группе подростков, как не упасть с доски, и каждые две минуты произносил слово «безопасность».

Лариса Игнатьевна остановилась у начала мостков.

— Я дальше не пойду.

— И не надо.

Женя достала телефон. На экране была фотография, сделанная Денисом за минуту до того, как он повернул камеру: общий вид причала с другого берега, переданный Киной через адвоката. Женя заранее обсудила поездку с Сомчаем; тот объяснил, что любая самодельная реконструкция не станет судебной экспертизой. Она и не собиралась выдавать её за

экспертное заключение. Ей нужно было понять, что именно видел фотограф.

Вместе с ней приехал мужчина по имени Андрей — работник местной лодочной станции. Его имя вспоминал спасатель, которого Женя разыскала по совету матери. Сам спасатель погиб зимой после болезни, Андрей оставался одним из немногих, кто обслуживал причал тем летом.

— Вы нас тут не снимайте, — предупредил он. — Я не подписываюсь ни под какими историями. Скажу, что помню, и всё.

— Договорились.

— Я тогда был за лодочным сараем. Когда закричали, прибежал уже на берег. Девочку вытащили дальше по течению. Мальчишку принесли сюда, к скамейке. Весь синий, рыдал. Ольга держала его так, что пальцы побелели.

— Вы видели, откуда его принесли?

— Он был в воде под настилом, насколько я понял. Не я доставал.

— А кто?

— Она сама. Мужик потом кричал, что там второй ребёнок. Мужик какой-то. Не отец.

Андрей сплюнул в траву. Лариса Игнатьевна отвернулась к реке. Женя сделала пометку в телефоне, остановилась и удалила. Она чувствовала, как легко сейчас превратить чужое неточное воспоминание в нужный ответ.

— Вы лично видели Ольгу под настилом?

— Нет. Я видел её с мальчиком, когда прибежал. Если вам нужна точность — вот вам точность.

Они прошли к лестнице. Под ней оставалось узкое пространство между тёмной водой и досками. Андрей опустился на колени и показал, как человек мог застрять, если поток прибил одежду к поперечине. Женя попыталась заглянуть туда с противоположного берега, туда, откуда снимал Денис. Между ней и лестницей стоял куст ивы; ниже нижнего края настила не просматривалось ничего, кроме полосы тени.

— Пусть кто-нибудь встанет за перила, — попросила она.

Андрей встал. С дальнего берега его плечо было видно; руки исчезали, как только он приседал. Женя сделала несколько фотографий с разрешения мужчины, указала дату, время и точку съёмки. Она не пыталась повторить каждое движение Ольги: причал изменился, вода стояла выше, на берегу разрослись кусты. Но главное геометрическое ограничение оставалось очевидным. С той точки невозможно было видеть пространство под досками.

— А где был Михаил? — спросила она.

Лариса Игнатьевна подняла голову.

— Он отошёл к машине. Соня попросила сок, а он пошёл искать бутылку. Память мне, конечно, не справка, но я помню, как он потом бежал с пакетом.

— Ты раньше этого не говорила.

— А ты раньше не спрашивала.

Бабушка сняла платок с головы и села на скамью. Она

смотрела на воду тяжело, без слёз.

— Я всё время думала, зачем Ольга первая кинулась к Лёве. Будто я сама умею считать секунды, когда дети тонут. — Она помолчала. — Миша однажды спросил меня, говорила ли Соня перед смертью «мама». Я соврала, что не слышала. Не было меня там. Я услышала крик из машины. А он всё допытывался.

— Когда?

— Весной, перед их отпуском.

Женя почувствовала знакомую злость — не столько на Михаила, сколько на порядок, в котором простые слова становились страшными только спустя годы.

У самой будки проката инструктор уронил спасательный жилет. Молодая девушка подняла его, встряхнула и стала проверять застёжки. Женя подошла к ней.

— Можно взять на несколько минут спасательный конец? Заплатим за прокат.

— Для чего?

— Мы пытаемся понять, как спасали ребёнка в семнадцатом году.

Девушка изменилась в лице.

— Это про девочку, которая утонула?

— Да.

— Тогда вам к начальнику. Я здесь первый сезон.

Начальником оказался крепкий мужчина лет пятидесяти по имени Павел. Он не стал давать им ничего напрокат и

сказал, что на место трагедии уже приезжали «журналисты с микрофонами». Женя терпеливо выслушала. Потом спросила не о девочке, а о лестнице.

Павел показал старый деревянный щит в сарае, на котором оставались следы от креплений. После несчастного случая он снял его и забросил за спасательные круги. В щите было прорезано круглое отверстие: когда-то через него пропускali верёвку, которой закрепляли лодку. Именно под этот щит могло затянуть детскую одежду.

— Это вы сами тогда заметили? — спросила Женя.

— Да. Меня попросили разобрать опасный участок после происшествия. Не храню я его ради истории. Жалко было выбросить хороший материал.

Женя не стала фотографировать щит тайком. Попросила разрешение снять отверстие и рулетку рядом с ним. Павел согласился. Потом неожиданно спросил:

— Ольга с вами связывалась? Она жива вообще?

— Жива. В тюрьме.

— Знаю. Телевизор тоже смотрю. — Он поморщился. — Странные люди. Тогда её называли матерью, которая вытаскила одного ребёнка. А через два года решили, что из-за этого она кого-то убила за тысячи километров.

— Кто «они»?

— Да все. Интернет у нас быстрый.

Когда разговор с Павлом закончился, Лариса Игнатьевна подошла к скамье, стоявшей на том же месте, что четыре го-

да назад. Скамью перекрасили. На её ножке осталась маленькая вмятина — вероятно, от садового инструмента. Женя с удивлением заметила, что мать Ольги провела по ней ногтем и улыбнулась, как будто нашла давно потерянную вещь.

— Соня сидела здесь и учила меня говорить «вай-фай», — сказала бабушка. — Я сказала «вайфайка». Она смеялась. Михаил сказал, что шутка уже устарела. У неё от этого настроение испортилось на целых десять минут.

Женя стояла рядом, не торопя. В детских фотографиях Соня оставалась восьмилетней. В рассказах взрослых ей почему-то всегда было либо пять, либо двенадцать: они подбирали возраст к тому, как удобно вспоминать. А здесь она просто обижалась на шутку отца. Это делало её почти видимой.

— Ольга потом попросила меня не приезжать на причал, — продолжила бабушка. — Говорила, что там всё равно ничего нельзя изменить. А Миша приезжал. Осенью. И зимой один раз. Я думала, ему необходимо себя наказать. А теперь мне кажется — он искал ответ, который ему никто не мог дать.

— Ты видела, что он искал?

— Нет. И не собираюсь за него додумывать. У меня и так в голове слишком много придумано.

Женя села на скамью. На другом берегу туристы готовили лодку к выходу. Один мужчина проверял жилеты, женщина фотографировала, ребёнок спорил, можно ли взять в

воду игрушечную машинку. Обычный день. Похоже, именно это было тяжелее всего вынести Ларисе Игнатьевне: река не прекратила работать после гибели её внучки.

Позже Андрей привёл их к дежурному на маленькой спасательной станции. В журнале смены за то лето они ничего не стали искать: он хранился в муниципальном архиве, и доступ требовал отдельного запроса. Зато дежурный объяснил, как тогда распространялись сообщения о происшествии. Кто-то звонил с берега, кто-то бежал к лодкам, и несколько человек называли разные места падения девочки. Не было единой «точки начала», к которой потом так часто обращались знакомые Михаила.

— Вода сильная там, где поворот, — сказал он. — Если человек говорит, что видел всё, спросите, где он стоял и что закрывало берег. Половина свидетелей запоминает не сам момент, а то, что услышала от других позже.

— Вы готовы это подтвердить? — спросила Женя.

— Как устройство реки — да. Как события того дня — нет. Я здесь работаю с двадцатого.

Она почувствовала, что начинает усваивать новый язык — язык людей, которые отделяют собственное знание от чужого рассказа. Ей хотелось быстро привести его к Михаилу и заставить того услышать. Но он, вероятно, нашёл бы другие слова. На дальнем берегу ему не было видно под причалом. Может быть, именно поэтому он так любил повторять, что всё понял по записи.

На обратном пути к машине Лариса Игнатъевна попросила Женю остановиться у цветочного киоска. Купила три белые астры и положила их на пустую скамью, не привязывая лентой. Ветер сдвинул один цветок почти к краю. Бабушка поправила его и ушла. Женя не спросила, почему три, а не две. На следующее утро она проснулась с готовым вопросом, но звонить не стала.

Уезжали поздно. Лариса Игнатъевна уснула на переднем сиденье, придерживая рукой ремень. На заднем лежала коробка с бутербродами: за весь день они не съели ни одного.

На выезде из Конакова Женя остановилась у заправки и набрала Сомчая по видеосвязи. Он ответил через десять минут, из небольшого кабинета, где над дверью шумел вентилятор. Женя показала ему снимки и рассказала о щите. Адвокат попросил не отправлять никому их собственные реконструкции под видом доказательства.

— Я и не собиралась.

— Скажите, что точно можете подтвердить.

— Из точной точки Дениса под причал не видно. На причале был опасный зазор. Один работник станции готов рассказать, что видел Ольгу с мокрым мальчиком, но не видел момента спасения.

— Этого достаточно, чтобы поставить вопрос об ограниченности исходной записи. Уголовное дело в Таиланде касается смерти Дениса. Понимаете, для чего нам нужна эта история?

— Чтобы объяснить мотив мужа.

— Чтобы не позволить суду принимать чужую догадку о вашей подруге за её признание в другой трагедии. Мотив Михаила мы ещё должны доказать.

Женя отключилась и тронулась с места. На заднем сиденье завибрировал телефон Ларисы Игнатьевны. Бабушка проснулась и долго искала его по карманам, ругаясь так изобретательно, что Женя против воли засмеялась.

Звонил Лёва. Он хотел знать, привезёт ли бабушка завтра обещанный кабачок с дачи. Когда ему сказали, что они были на Волге, он помолчал.

— Там вода чистая? — спросил мальчик.

— Не очень, — ответила бабушка.

— А мост ещё есть?

— Есть.

— Тогда не ходите по нему ночью. Он скользкий.

Лариса Игнатьевна посмотрела в зеркало на пустое заднее сиденье, словно ожидала увидеть там внука.

— Не пойдём, Лёва, — сказала она. — Обещаю.

Глава 10. Сообщение, отправленное раньше

Август — октябрь 2021 года. Москва и Краби

Кира Кравцова не хотела ехать к Евгении. Не из недоверия: доверие не имело отношения к их возможной встрече. Они обе знали женщину, осуждённую за смерть Дениса, и этого было достаточно, чтобы сидеть по разные стороны любого стола.

— В кафе, — сказала Кира по телефону. — В людном. Я не собираюсь приходить к вам домой, где стоят фотографии её детей.

— У меня дома вообще стоят манекены без голов. Так что кафе — хорошая идея, — ответила Женя.

Они встретились на первом этаже торгового центра, среди запахов жареной курицы и дешёвого кофе. Кира пришла с сумкой, из которой торчал край детского альбома. На руке у неё был пластырь: младшая дочь нечаянно порезала её ножницами, когда они делали бумажные звёзды.

— Вы думаете, мой брат нашёл преступление и его за это убили? — спросила Кира без приветствия.

— Я думаю, он хотел объяснить людям, что запись не показывает всего. А потом его убили. Кто это сделал — вопрос, ради которого мы здесь.

— Ваша Ольга ему угрожала.

— Она боялась за сына и наговорила лишнего. Это не оправдывает угрозу.

Кира медленно выдохнула. Женя заметила, что у женщины красные глаза, и решила не спрашивать, спала ли та ночью.

— Я просмотрела переписку Дениса, — сказала Кира.
— Не всю. Часть была на сломанном телефоне, который он оставил дома. У него был ужасный характер: мог неделю не брать трубку, потом в три часа ночи прислать фотографию кота. Я раньше считала, что это просто он такой. После смерти я искала во всём намёк.

— И нашли?

— Нашла, что он просил у меня сканы отпускных билетов. Не понимаете? Он часто просил меня распечатать посадочные, у меня дома принтер. Но билеты на ту поездку покупались сильно раньше, чем он говорил. Он собирался в Краби не случайно.

Женя не пошевелилась. Заставлять Киру вытаскивать болезненные подробности по одному слову казалось ей дурным ремеслом.

— У него кто-то был там знакомый?

— Кроме Михаила Руднева — никого, о ком я знаю.

Кира повернула телефон экраном к Жене. На нём был открыт разговор с братом за конец мая 2019 года. Денис прислал ей фотографию своего чёрного фотокофра и написал:

«Беру рабочую камеру. Миша попросил встретиться у моря, говорит, там всё обсудим спокойно». Через четыре минуты он отправил другую фразу: «Надеюсь, наконец покажем ей целиком. Это пора прекращать».

Женя прочитала обе. Потом ещё раз, медленнее.

— У Михаила была возможность заранее организовать встречу. Он говорил Ольге, что увидел Дениса в ресторане случайно.

— У моего брата была возможность отказаться. Он почему-то поехал. Может, он сам хотел нажиться на чужой трагедии.

— Может. Но в этом сообщении нет требования денег.

— Там вообще мало слов, — резко ответила Кира. — Поэтому не надо делать из него святого.

Женя подняла руки ладонями вверх.

— Не буду. Мне нужен живой Денис, которого можно было бы спросить. Святой никак не поможет.

Кира едва заметно улыбнулась — без радости. Потом стала листать фотографии. На одном снимке Денис стоял возле чужой машины с раскрытым кофром. На другом — держал камеру и шурился в солнечном свете. На третьем девочка лет пяти рисовала ему усы фломастером.

— Я могу дать адвокату телефон на осмотр, — сказала Кира. — Только при мне, с описью того, что копируют. Я не разрешаю смотреть фотографии детей.

— Это разумно.

— Я не для вас это делаю.

— Уже слышала. И верю.

В тот день Кира впервые рассказала о последнем разговоре с братом. Он позвонил из аэропорта, раздражённый задержкой рейса, и попросил присмотреть за его комнатой. Она пыталась пошутить, что у него нет ни растений, ни кошки, которым требуется присмотр. Денис не рассмеялся.

— Он сказал: «Если я вернусь и опять начну всё передумывать, напomini мне, что я обещал сделать правильную вещь». Я спросила, какую. Он отмахнулся. Раньше я решила бы, что это про какую-то съёмку. Теперь я не знаю.

— Ты ему ответила?

— Сказала, чтобы не тратил деньги на гостиницу, если собирается ходить с таким лицом. Денис крикнул: «Пока», и связь оборвалась. Он не любил прощаться нормально.

Кира отвела глаза. Женя не стала спрашивать, зачем сестра фотографа хранит детали, которые ничего не доказывают. Свою последнюю переписку с Ольгой она тоже могла пересказать по секундам: подруга попросила купить в театральном магазине удобные булавки, потом добавила смайлик с закрытыми глазами. Женя забыла ответить.

— Он профессионально работал с изображениями? — спросила она.

— Да. Десять лет. Свадьбы, репортажи, иногда реклама. Хорошо знал, что кадр можно повернуть как угодно. Именно поэтому боялся, когда его видео показывали без начала

и конца.

— Почему тогда сам дал Михаилу кусок?

— Потому что хотел помочь, наверное. Тот сказал, что пытается понять, как погибла дочь. У Дениса был дурной опыт с родителями: если кому-то нужно было посмотреть на погибшего ребёнка, он редко мог сказать «нет».

— У него был ребёнок?

— Нет. Был племянник, сын нашей старшей сестры. Он умер от болезни за несколько лет до Сони. — Кира сама запуталась в родстве и махнула рукой. — Он потом долго снимал детские праздники бесплатно. Это был его способ быть полезным. Не всегда удачный.

Женя придвинула к Кире стакан воды. Та посмотрела на него, как на чужую вещь, и не взяла. У них обеих было столько причин не любить друг друга, что любое маленькое человеческое движение вызывало неловкость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.